

СТАНИСЛАВ

ЛЕМ

ЭДЕМ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Станислав Лем

Эдем

«Издательство АСТ»

1958

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

Лем С. Г.

Эдем / С. Г. Лем — «Издательство АСТ»,
1958 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-090512-6

«Среди звезд нас ждет неизвестное!» – фраза Лема, ставшая крылатой, имеет ощутимо горький привкус разочарования. Процесс познания несет в себе ядовитое ядро, и присущий человечеству гуманизм оказывается бессильным при столкновении с чуждым инопланетным разумом на прекрасной и таинственной планете Эдем... Роман Станислава Лема «Эдем» – удивительный сплав динамичного боевика, социальной драмы и жесткой антиутопии – можно смело поставить в один ряд с такими классическими произведениями научной фантастики, как «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери и роман Джорджа Оруэлла «1984».

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-090512-6

© Лем С. Г., 1958

© Издательство АСТ, 1958

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Станислав Лем

Эдем

Stanisław Lem
Eden

© S. Lem, 1958

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Глава первая

В расчеты вкралась ошибка. Они не прошли над атмосферой, а ударились о нее. Корабль врывался в воздух с грохотом, от которого у них лопались барабанные перепонки. Распластанные каждый на своем ложе, они чувствовали, как сжались до предела амортизаторы; передние экраны полыхнули ярким пламенем и погасли – подушка раскаленных газов расплавил наружные объективы, торможение началось слишком поздно и было недостаточно интенсивным. Рубку наполнил чад от жженой резины. Под прессом перегрузки люди слепли и глухли. Близился конец, но даже об этом никто не мог думать: не хватало сил, чтобы расширить грудную клетку, глотнуть воздуха, – это делали за них все еще работающие кислородные пульсаторы, которые вталкивали воздух в людей, как в лопающиеся баллоны.

Внезапно рев стих. Вспыхнули аварийные лампы, по шесть с каждой стороны, люди зашевелились, над разбитым, сплюснутым в гармошку пультом двигателя багровел сигнал тревоги, куски изоляции, осколки плексигласа с шелестом елозили по полу, рева не было – все поглотил глухой усиливающийся свист.

– Что... – прохрипел Доктор, выплевывая резиновый мундштук.

– Лежать! – предостерег его Координатор, который смотрел в последний неповрежденный экран.

Ракета перекувырнулась, как будто в нее ударил таран. Нейлоновые сетки, в которые они были запеленуты, задрожали как струны, на мгновение все застыло словно на поднявшихся вверх качелях, потом на людей обрушился грохот.

Мышцы, напрягшиеся в ожидании последнего удара, обмякли. Ракета, стоя на вертикальном огненном столбе, медленно опускалась вниз, дюзы грохотали успокоительно; это длилось несколько минут. Внезапно по стенам прошла дрожь. Вибрация становилась все сильнее, турбины собирались сорваться с опор. Люди переглянулись. Никто ничего не говорил. Они знали, что все зависит от того, выдержат ли роторы.

Вдруг рубка заходила ходуном, как будто снаружи в нее с бешеной быстротой бил стальной молот. Толстая выпуклая линза последнего экрана в мгновение ока покрылась густой паутиной трещин, его фосфорический диск погас, в падающем снизу скудном свете аварийных ламп люди видели на наклонных стенах собственные увеличенные тени; грохот перешел в протяжный рык, под ними что-то трещало, ломалось, рвалось с металлическим скрежетом. Корабль, сотрясаемый чудовищными рывками, летел ослепленный, мертвый; люди сжались, затаили дыхание. Кромешная тьма, хаос; вдруг их тела, как стрелы, пронеслись, растягивая во всю длину нейлоновые тросы, но, к счастью, не достигли искореженных пультов и повисли, медленно покачиваясь, как тяжелые маятники.

Ракета повалилась, словно падающая гора. На этот раз грохот был далеким и тупым, глыбы выброшенного грунта с негромким стуком скатились по наружной обшивке.

Все замерло. Под ними урчали трубопроводы, что-то все быстрее и быстрее устрашающе булькало, слышался шум стекающей воды, смешанный с пронзительным, повторяющимся шипением, будто какая-то жидкость капала на раскаленные плиты.

– Живем, – произнес Химик в полной темноте.

Он не видел ничего. Висел в своей нейлоновой сетке, как в мешке, подвешенном на тросах за четыре угла. Это означало, что ракета лежит на боку. Если бы ракета стояла, сетка была бы натянута горизонтально. Что-то щелкнуло. Вспыхнул бледный бензиновый огонек старой зажигалки Доктора.

– Экипаж? – спросил Координатор.

Один трос его гамака лопнул; Координатор медленно, беспомощно раскачивался, просунув руку в ячейку нейлоновой сетки, и безрезультатно пытался схватиться за что-нибудь выступающее из стены.

- Первый, – сказал Инженер.
- Второй, – отозвался Физик.
- Третий, – голос Химика.
- Четвертый, – сказал Кибернетик, держась за голову.
- Пятый, – кончил Доктор.
- Все. Поздравляю. – Голос Координатора был спокоен. – Автоматы!

Полная тишина.

– Автоматы!!!

Молчание. Зажигалка обожгла Доктору пальцы. Он погасил ее. Снова стало темно.

– Я всегда говорил, что мы сделаны из лучшего материала, – сказал в темноте Доктор.

– У кого-нибудь есть нож?

– У меня есть. Перерезать тросы?

– Если можешь выбраться без этого, еще лучше. Я не могу.

– Попробую.

Послышалась какая-то возня, учащенное дыхание, что-то стукнуло, заскрежетало стекло.

– Я на полу. То есть на стене, – сообщил Химик. Его голос доносился откуда-то из темноты. – Доктор, посвети-ка минутку, я вам помогу.

– Только поторопись. Бензин кончается.

Снова вспыхнула зажигалка. Химик возился у гамака Координатора – он мог дотянуться только до его ног. Наконец ему удалось немного раскрыть боковую молнию, и Координатор тяжело упал на ноги. Вдвоем работали быстрее. Немного погодя все уже стояли на косо наклоненной, обитой эластичной массой стене рубки.

– С чего начнем? – спросил Доктор. Он стянул края раны на лбу Кибернетика и залепил ее пластырем, который достал из кармана.

– С выяснения вопроса, удастся ли нам выйти, – ответил Координатор. – Прежде всего нам нужен свет. Ну как там? Все? Доктор, посвети мне; может, на клеммах пульта есть напряжение, хотя бы в цепи тревожной сигнализации.

На этот раз зажигалка высекла только искру. Доктор стер себе кожу на пальце, пока крутил колесико, освещая обломки раздробленной панели, в которой копались, стоя на коленях, Координатор и Инженер.

– Есть? – спросил Химик, стоявший сзади. Для него уже не хватало места.

– Пока ничего. Ни у кого нет спичек?

– Нет. Последний раз я видел спички три года назад в музее, – невнятно пробормотал Инженер, пытаясь зубами содрать изоляцию с конца провода.

Вдруг маленькая голубая искра осветила сложенные ракушкой руки Координатора.

– Есть, – сказал он. – Теперь какую-нибудь лампочку.

Кто-то нашел в тревожном сигнализаторе уцелевшую лампочку. Резкий электрический огонек осветил рубку, похожую на часть косо поднимающейся трубы туннеля с конусными стенами. Высоко вверху, в том, что стало теперь потолком, виднелась закрытая дверь.

– Больше семи метров, – меланхолично сказал Химик. – Как мы туда доберемся?

– Я когда-то видел в цирке живую колонну – пять человек один на другом, – сообщил Доктор.

– Для нас это слишком трудно. Доберемся туда по полу, – ответил Координатор.

Он взял у Химика нож и начал делать широкие надрезы в губчатом покрытии пола.

– Ступеньки?

– Да.

– Почему не слышно Кибернетика? – удивился вдруг Инженер. Сидя на обломках разбитого распределительного пульта, он прикладывал вольтметр к вытянутым наружу кабелям.

– Он овдовел, – с усмешкой сказал Доктор. – Что такое Кибернетик без автоматов?

– Они у меня еще заработают, – бросил Кибернетик, заглядывая в отверстия выбитых экранов.

Электрический огонек постепенно желтел, становился все слабее и бледнее.

– Аккумуляторы тоже? – буркнул Физик.

Через четверть часа в глубины, а скорее на верх корабля двинулась экспедиция из шести человек. Сначала люди выбрались в коридор, а из него – в остальные помещения. В каюте Доктора нашли карманный фонарик. Доктор любил собирать ненужные на каждый день вещи. Фонарик забрали с собой. Разрушения обнаружились везде. Мебель, прикрепленная к полу, уцелела, но из приборов, инструментов, вспомогательного оборудования, припасов образовалось какое-то невероятное крошево, в которое люди погружались выше колен.

– Теперь попробуем выйти, – объявил Координатор, когда они снова оказались в коридоре.

– А скафандры?

– В шлюзе. С ними ничего не должно случиться. Да они и не понадобятся: на Эдеме вполне сносная атмосфера.

– А здесь вообще кто-нибудь когда-нибудь был?

– Да, десять или одиннадцать лет назад космический зонд поискового патруля, когда пропал Альтаир со своим кораблем. Помните?

– Но из людей никто?

– Нет, никто.

Внутренний люк шлюза наклонно нависал над их головами. Странное первое впечатление, вызванное тем, что в знакомых помещениях все приняло новые очертания: стены стали теперь полами, а потолки – стенами, постепенно проходило.

– Тут без живой лестницы не обойтись, – заключил Координатор. Фонариком Доктора он осветил крышку люка. Световое пятно обошло ее кругом. Крышка прилегала герметично.

– Выглядит неплохо, – сказал Кибернетик, задрал голову.

– Да, – согласился Инженер.

Он подумал, что чудовищная сила, которая сдвинула стрингеры так, что раскололся вделанный между ними главный распределительный пульт, могла заклинить люк, но оставил эту мысль при себе. Координатор бросил взгляд на Кибернетика и уже хотел попросить, чтобы тот наклонился и стал у стены, но, вспомнив про исковерканные обломки в отсеке автоматов, обратился к Химику:

– Поставь ноги пошире, руки – на колени, так тебе будет удобнее.

– Я просто мечтал выступать в цирке. Всю жизнь! – сообщил Химик и наклонился.

Координатор вскарабкался ему на плечи, выпрямился и, прижимаясь к стене, кончиками пальцев дотянулся до утолщенного на конце никелированного рычага.

Потянул, потом дернул, наконец, повис на нем. Тогда рычаг подался с хрустом, как будто замочный механизм был набит мелким стеклом, сделал четверть оборота и остановился.

– А ты в нужную сторону тянешь? – спросил Доктор, который светил снизу. – Ракета лежит.

– Я это учел.

– А сильнее не можешь?

Координатор не ответил. Распластавшись, он висел у стены, ухватившись одной рукой за рычаг. Потом попробовал медленно подтянуть другую руку. Это было очень трудно, но в конце концов удалось. Вися теперь, как на трапедии, он поджал ноги, чтобы не ударить съездившегося

под ним Химика, и рванулся несколько раз, подтягиваясь на руках и обрушиваясь вниз всей тяжестью, со стоном ударяясь о стену.

Рычаг с ужасным скрежетом ударился о стопор. Внутренняя задвижка была открыта.

– Пошло как по маслу, – обрадовался Физик.

Инженер молчал. Он знал, в чем дело. Открыть крышку люка оказалось потруднее. Инженер попробовал сдвинуть ее, нажимая ручку гидравлического устройства, хотя заранее знал, что из этого ничего не получится. Трубы полопались во многих местах, и вся жидкость вытекла. Доктор направил фонарик вверх, и штурвальчик ручного привода засиял над ними как ореол. Для их гимнастических возможностей было слишком высоко – больше четырех метров.

Пришлось из всех помещений стаскивать поломанные приборы, подушки, книги; особенно пригодилась библиотека, и прежде всего – атласы звездного неба, очень большие и толстые.

Из книг, как из кирпичей, возводили пирамиду. Через какой-нибудь час она достигла двухметровой высоты. Один раз часть пирамиды обвалилась, и с этого момента работа велась более систематично – под руководством Инженера.

– Физический труд – это какой-то ужас! – пытел Доктор. Фонарик, втиснутый в щель климатизатора, освещал им путь в библиотеку, откуда они возвращались обратно, нагруженные книгами. – Никогда не думал, что к звездам можно путешествовать в таких примитивных условиях.

Говорил только он один. Наконец Координатор, поддерживаемый товарищами, осторожно влез на воздвигнутую пирамиду и дотянулся пальцами до штурвала.

– Мало, – сказал он. – Не хватает пяти сантиметров. А подпрыгнуть не могу – все развалится.

– Тут у меня «Теория скоростных полетов», – сказал Доктор, взвешивая в руке толстый том. – Думаю, будет в самый раз.

Координатор вцепился в штурвал. Его тень металась по белой поверхности пластика. Внезапно гора книг заколебалась.

– Осторожно! – крикнул Физик.

– Не на что опереться, – выдохнул Координатор. – Держите же, черт побери! – рявкнул он.

Штурвал вырвался у него из рук, Координатор покачнулся, но сумел восстановить равновесие. Вверх уже никто не смотрел – взявшись за руки, они со всех сторон подпирали колеблющееся сооружение, чтобы оно не рассыпалось.

– Только не ругайся, нам стоит раз начать – конца не будет, – предостерег снизу Доктор.

Координатор снова ухватился за штурвал. Неожиданно послышался протяжный скрип, а потом глухой шорох расползающихся томов. Координатор висел в воздухе, но штурвал, за который он уцепился, сделал полный оборот.

– И так далее, еще одиннадцать раз, – сказал он, прыгнув на рассыпавшиеся книги.

Через два часа под триумфальные крики люк был побежден. Открывшаяся крышка повисла на уровне половины высоты коридора и образовала как бы горизонтальный помост, по которому можно было войти в шлюз без большого труда.

Скафандры в плоском стенном шкафу оказались в полной сохранности. Теперь шкаф лежал горизонтально. Они ступали по его дверцам.

– Выходим все или как? – спросил Химик.

– Сначала попробуем открыть наружный люк...

Крышка люка была зажата так, словно составляла единый монолит с корпусом. Сдвинуть рычаги не удалось, хотя на них навалились вшестером, плечом к плечу.

– Оказывается, долететь – это пустяки; труднее иногда выйти, – подвел итог Доктор.

– Очень остроумно, – пробормотал сквозь зубы Инженер. Пот заливал ему глаза.

Все уселись на дверцы стенного шкафа.

- Я проголодался, – признался среди полного молчания Кибернетик.
- Значит, нужно что-нибудь съесть, – заявил Физик и вызвался сходить на склад.
- Лучше на кухню. В холодильнике может что-нибудь...
- Мне одному не справиться. Нужно перебросать с полтонны всякого хлама, чтобы

добраться до припасов. Кто со мной?

Доктор отозвался первым. Химик встал, немного помедлив. Когда их головы исчезли за краем откинутой крышки и последний отсвет фонарика, который они забрали с собой, погас, Координатор сказал приглушенным голосом:

- Я не хотел говорить. Вы более или менее представляете, как обстоят дела?
- Да, – ответил Инженер черному мраку перед собой.

Он коснулся ноги Координатора вытянутой рукой и не убрал пальцев. Он ощущал потребность в этом прикосновении.

- Думаешь, разрезать крышку не удастся?
- Чем? – спросил Инженер.
- Горелкой, электрической или газовой. У нас есть автоген и...
- Ты слышал об автогене, который может разрезать четверть метра керамика? А?

Они помолчали. Из глубины корабля, как из железного подземелья, доносился глухой шум.

- Так что же? Что? – нервно спросил Кибернетик.

Координатор и Инженер слышали, как хрустнули его суставы. Кибернетик встал.

- Садись, – мягко, но решительно сказал Координатор.
- Вы думаете, что... крышка сплавилась с корпусом?
- Не обязательно, – ответил Инженер. – Ты вообще понимаешь, что произошло?
- Не совсем. Мы попали с космической скоростью в атмосферу там, где ее не должно было быть. Почему? Автомат не мог ошибиться.

– Автомат не ошибся. Мы ошиблись, – сказал Координатор. – Забыли о поправке на хвост.

- На какой хвост? Что ты говоришь?
- На газовый хвост, который растягивает за собой каждая имеющая атмосферу планета в направлении, противоположном ее движению. Ты не знаешь об этом?
- Ну да, конечно. Мы врезались в этот хвост? Но он должен быть страшно разреженным.
- Десять в минус шестой, – ответил Координатор, – или что-то около этого, но у нас было больше семидесяти километров в секунду, дорогой мой. Нас как будто стена остановила, помните?

– Да, – подтвердил Инженер. – А когда мы вошли в атмосферу, скорость была еще десять, а то и все двенадцать километров. Она должна была вообще развалиться, удивительно, что выдержала.

- Ракета?
- Она рассчитана на двадцатикратную перегрузку, а прежде чем экран лопнул, я своими глазами видел, как стрелка выскочила за шкалу. Шкала имеет резерв до тридцати.
- А мы?
- Что мы?
- Как мы могли выдержать? Ты же хочешь сказать, что было постоянное торможение тридцать «же»?

– Нет, не постоянное. Но в пиках наверняка. Ведь тормозные двигатели работали на пределе. Поэтому и началась вибрация.

- Но автоматы не подвели, и если бы не компрессоры... – упрямо сказал Кибернетик.

Он не договорил – в глубине корабля что-то покатило со звоном, как будто железные колеса по металлу. Потом все стихло.

– Чего ты хочешь от компрессоров? – сказал Инженер. – Вот придем в машинное отделение, и я тебе покажу, что они сделали в пять раз больше, чем могли. Это ведь только вспомогательные агрегаты. Сначала раскачало подшипники, а когда началась вибрация...

– Думаешь, резонанс?

– Резонанс само собой. Вообще-то мы должны были размазаться на протяжении пары километров, как тот грузовик на Нептуне, понятно? Сам убедишься, когда увидишь машинное. Могу тебе заранее сказать, как оно выглядит.

– А я вовсе не рвусь увидеть машинное. Какого черта, почему они так долго не возвращаются? Темно, аж глаза болят.

– Свет у нас будет, не бойся, – сказал Инженер.

Он все еще как бы случайно касался пальцами ноги Координатора, который сидел неподвижно и молчал.

– А в машинное пойдем так, со скуки. Все равно делать больше нечего!

– Ты серьезно думаешь, что нам отсюда не выбраться?

– Нет, шучу. Обожаю такие шутки.

– Перестань, – произнес Координатор. – Во-первых, есть резервный люк.

– Ну, знаешь! Резервный люк как раз под нами. Корабль должен был основательно зарыться в грунт, я не уверен, что даже этот люк выступает над поверхностью планеты.

– Ну и что? У нас есть инструменты, мы можем выкопать туннель.

– А грузовой? – сказал Кибернетик.

– Залит, – коротко ответил Инженер. – Я заглядывал в контрольный колодец. Должно быть, дала трещину одна из главных цистерн – там минимум два метра воды. Вероятно, радиоактивной.

– С чего ты взял?

– А с того, что так всегда бывает. Охлаждение реактора летит в первую очередь. Для тебя это новость? Лучше забудь о грузовом люке. Мы должны выйти через этот, если...

– Выкопаем туннель, – тихо повторил Координатор.

– Теоретически это возможно, – неожиданно согласился Инженер.

Все трое замолчали. Послышались приближающиеся шаги, в коридоре под ними стало светло, их ослепило, и они зажмурились.

– Ветчина, сухари, тушенка или что там в этой коробке – все из аварийного запаса! Тут шоколад, а здесь термосы. Давайте наверх! – обернувшись, сказал Доктор и первым вскарабкался на крышку.

Он посветил Физику и Химику, пока они входили в шлюз и расставляли банки и алюминиевые тарелки. Ели молча.

– Термосы уцелели? – внезапно удивился Кибернетик, наливая кофе в свою кружку.

– Удивительно, но это так. С консервами неплохо. Но морозилка, холодильники, хлебные печи, малый синтезатор, очистная аппаратура, водяные фильтры – все в порошок.

– Очистная аппаратура тоже? – беспокоился Кибернетик.

– Тоже. Может, ее удалось бы исправить, если бы было чем. Но это заколдованный круг: чтобы запустить хотя бы простейший ремонтный полуавтомат, нужен ток, чтобы иметь ток – нужно отремонтировать агрегат, а для этого нужен полуавтомат.

– Вы тут посовещались, гиганты техники? И что? Где луч надежды? – спросил Доктор, толсто намазывая маслом сухари и укладывая сверху ломти ветчины. Не ожидая ответа, он продолжал: – Сопливым мальчишкой я прочитал, наверное, больше книг о космонавтике, чем весит наша покойница, но там не было ни одного рассказа, ни одной истории, даже анекдота о чем-нибудь похожем на то, что случилось с нами. Почему – не понимаю!

– Потому что это скучно, – язвительно обронил Кибернетик.

– Да, это что-то новое – межпланетный Робинзон, – сказал Доктор, завинчивая термос. – Когда вернусь, опишу, если талант позволит.

Внезапно стало тихо. Все принялись собирать банки. Наконец Физик сообразил, что их можно спрятать в шкаф со скафандрами. Все отошли к стене – иначе нельзя было отворить дверцы в полу.

– Знаете, мы слышали какие-то странные звуки, когда возились на складе, – сказал Химик.

– Какие звуки?

– Потрескивания, как будто ракету сдавливает пресс.

– Думаешь, на нас какая-нибудь скала свалилась? – спросил Кибернетик.

– Это совсем другое, – вмешался Инженер. – Наружная обшивка при вхождении в атмосферу нагрелась, нос, возможно, даже оплавился, а теперь части конструкции остывают, смещаются, возникают внутренние напряжения, и отсюда эти звуки... О, и сейчас слышно, прислушайтесь...

Все замолчали. Лица освещал фонарик, лежащий на плоском кольце над люком. Внутри корабля послышался протяжный стон, серия коротких слабеющих потрескиваний, и наступила тишина.

– А может, это какой-нибудь автомат? – с надеждой в голосе сказал Кибернетик.

– Ты ведь сам видел.

– Да, но мы не заглядывали в отсек резерва.

Кибернетик высунулся в темноту коридора и, стоя на самом краю крышки, крикнул:

– Автоматы резерва!!!

Его голос загрохотал в замкнутом помещении. Ответом ему была тишина.

– Иди сюда, осмотрим как следует люк, – сказал Инженер.

Он опустился на колени перед плавно вогнутой плитой и, приблизив лицо к кромке, освещал ее сантиметр за сантиметром. Он водил световым пятнышком по уплотнению, которое прочертила еле заметная сетка трещин.

– Внутри нигде не расплавилось; впрочем, это неудивительно: керамит очень плохо проводит тепло.

– Может, попробуем еще раз? – предложил Доктор, берясь за рукоятку.

– Это бессмысленно, – запротестовал Химик.

Инженер приложил ладонь к крышке люка и вскочил:

– Ребята, нужна вода! Много холодной воды!

– Зачем?

– Дотроньтесь до крышки – горячая, а?!

К крышке прикоснулось несколько одновременно протянутых рук.

– Почти обжигает, – сказал кто-то.

– Это наше счастье!

– Почему?

– Корпус разогрет, он расширился, и крышка тоже. Если мы будем ее охлаждать, она сожмется и, может, удастся ее открыть.

– Вода – это мало. Может, есть лед. Он должен быть в морозилках, – сказал Координатор.

Один за другим Физик, Химик, Кибернетик, Доктор соскакивали в коридор, который грохотал под тяжестью их шагов.

Координатор остался около люка вместе с Инженером.

– Поддастся, – сказал он тихо, как бы про себя.

– Если не заплавила, – буркнул Инженер. Разведя руки, он водил ими по кромке люка, проверяя температуру. – Керамит начинает плавиться при температуре выше трех тысяч семисот градусов. Ты не заметил, сколько под конец было на обшивке?

– Под конец все приборы показывали данные прошлогоднего календаря. Во время тор-
можения было больше двух с половиной, если не ошибаюсь.

– Две с половиной тысячи градусов – это еще не страшно.

– Да, но потом!

Над горизонтальным изломом крышки показалось разгоряченное лицо Химика. Фона-
рик, висевший у него на шее, качался, огонек прыгал по кускам льда, которые торчали из ведра.
Химик подал ведро Координатору.

– Погоди-ка... а как мы, собственно, будем охлаждать... – забеспокоился Инженер. –
Сейчас.

Он исчез в темноте. Снова послышались шаги. Доктор принес два ведра воды с плава-
ющим в ней льдом. Химик светил, Доктор вместе с Физиком начали поливать крышку люка
водой. Вода стекала на пол, в коридор. Кибернетик принес ведро мелко расколотого льда и
пошел за новой порцией. Когда они поливали крышку в десятый раз, им показалось, что они
слышат слабенькие потрескивания.

Появился Инженер. Он прикрепил себе на грудь большой фонарь со скафандра. Сразу
стало светло. Инженер бросил на пол охапку пластиковых плит из рубки. Все начали стара-
тельно обкладывать крышку кусками льда, прижимая их пластиком, надувными подушками,
книгами – всем, что приносил Физик. Наконец, когда они едва могли разогнуть спины, а от
ледяной стенки почти ничего не осталось – так быстро таял лед, соприкасаясь с разогретой
крышкой люка, – Кибернетик обеими руками схватился за рукоятку и попробовал ее повер-
нуть.

– Погоди, еще рано! – сердито крикнул Инженер, но рукоятка повернулась удивительно
легко.

Все вскочили. Рукоятка крутилась все быстрее. Инженер схватился за ручку предохра-
нительного тройного ригеля, дернул. Раздался такой звук, словно треснуло толстое стекло,
крышка навалилась на них сначала легко, потом вдруг ударила тех, кто стоял слишком близко,
и из раскрывшейся темной пасти с грохотом выплеснулась черная лавина, засыпая по колено
людей, стоявших напротив. Химик и Координатор, бывшие ближе всех, оказались отброшены
в сторону. Крышка прижала Химика к боковой стене, так что он не мог шевельнуться, хотя и
не получил никаких повреждений. Координатор в последний момент едва успел отскочить и
чуть не сбил с ног Доктора. Все замерли.

Засыпанный комьями фонарик Доктора погас, светил только рефлектор на груди Инже-
нера.

– Что это? – чужим голосом сказал Кибернетик. Он стоял позади всех, у самого выхода
из шлюза.

– Проба грунта планеты Эдем, – ответил Координатор, помогая Химику выбраться из-
под откинутой вбок крышки.

– Да, – подхватил Инженер. – Весь люк засыпан. Должно быть, мы здорово зарылись в
грунт!

– Это первая посадка под поверхность неизвестной планеты, правда? – спросил Доктор.

Неожиданно все начали смеяться. Кибернетик закатывался так, что у него выступили
слезы.

– Хватит! – резко крикнул Координатор. – Не стоять же так до утра. За инструментами,
ребята, нам нужно откапываться.

Химик наклонился и поднял с холмика, выросшего на полу перед люком, тяжелую спрес-
сованную глыбу. Из овального отверстия люка продолжал вываливаться грунт, время от вре-
мени жирно поблескивающие темные комья скатывались по поверхности небольшой осыпи
даже в коридор.

Все спустились вниз: в шлюзе стало тесно. Координатор и Инженер прыгнули в коридор последними.

– Как глубоко мы могли воткнуться? – вполголоса спросил Координатор Инженера.

Они шли рядом по коридору. Далеко впереди прыгало быстро двигающееся пятно света. Инженер отдал фонарь Химику.

– Как глубоко?... Это зависит от слишком многих факторов. Тагерссен зарылся в грунт на восемьдесят метров.

– Да, но что осталось от ракеты и от него!

– А тот зонд на Луне? Чтобы его вытащить, пришлось пробить в скале штольню. В скале!

– На Луне пемза...

– А откуда мы знаем, что здесь?

– Ты же видел. Это похоже на мергель.

– У самого люка, а дальше?

С инструментами было очень плохо. Как и на всех кораблях дальнего радиуса действия, здесь на борту имелся двойной комплект автоматов и дистанционно управляемых полуавтоматов для различного рода работ, в том числе на поверхности, каких могут требовать разнообразные планетные условия. Однако эти устройства сейчас бездействовали, и без подачи электроэнергии нечего было и думать о том, чтобы привести их в движение. Единственная большая землеройная машина с приводом от атомного микрореактора, которой они располагали, также требовала электроэнергии для запуска. Пришлось пустить в ход самые примитивные инструменты – лопаты и кирки. Но сначала их нужно было сделать, а это оказалось совсем не просто. После пяти часов тяжелой работы экипаж возвращался к шлюзу, неся три расплющенные и изогнутые на концах мотыги, два стальных лома и волоча большие листы жести, которые должны были служить для укрепления стен туннеля. Кроме ведер для переноски грунта приспособили несколько больших пластиковых коробок, прикрепив к ним с двух сторон короткие алюминиевые трубки вместо ручек.

С момента катастрофы прошло три четверти суток, и все падали от усталости. Доктор объявил, что нужно поспать хотя бы несколько часов. Но сначала необходимо было устроить какие-то постели, хотя бы временные, так как койки в спальнях помещениях, наглухо прикрепленные к полу, стояли теперь вертикально. Переставлять их было слишком сложно, поэтому в библиотеку, которая пострадала меньше всего (почти половину книг уже вытащили в коридор), снесли надувные матрацы, и все легли на них вповалку.

Скоро выяснилось, что, кроме Химики и Инженера, никто не может заснуть. Доктору пришлось встать и отправиться с фонарем на поиски снотворного. Это заняло у него почти час, он вынужден был пробираться в медпункт через маленький тамбур, заваленный битым стеклом и грудой исковерканных приборов. Все это вывалилось из стенных шкафов и закрывало доступ к двери. Наконец (его ручные часы показывали четыре утра бортового времени) снотворное было роздано, фонарь погашен, и вскоре беспокойное дыхание наполнило темноту.

Все проснулись неожиданно быстро. Только Кибернетик, который принял слишком большую дозу снотворного, был как пьяный. Инженер жаловался на острую боль в плече. Доктор обнаружил у него болезненную опухоль – вероятно, Инженер повредил себе сустав, когда возился с рычагами люка.

Настроение было унылое. Почти никто не разговаривал, даже Доктор. До остатков продуктов в шлюзе добраться не удалось – на дверцах шкафа со скафандрами покоился большой холм вынутой породы, поэтому Физик и Химик еще раз пошли на кухонный склад и принесли оттуда банки с консервами. Было девять, когда начали копать туннель.

Работа продвигалась черепашьям шагом. В овальном отверстии люка нельзя было как следует развернуться. Передние разбивали мотыгами спрессованные глыбы, стоящие сзади

оттаскивали их в коридор, а оттуда в навигационную рубку – она находилась ближе всего, и в ней не было ничего, что могло бы понадобиться в ближайшее время.

Через четыре часа рубка по колено заполнилась вынутым грунтом, а длина туннеля не превышала двух метров. Мергель поддавался плохо – он был не очень твердый, но острия ломов и мотыг увязали в нем, а железные стержни, на которые слишком сильно нажимали остервенелые работающие люди, гнулись; лучше всего действовала стальная мотыга в руках Координатора.

Инженер беспокоился, как бы «земляной» потолок не начал оседать, и следил за тем, чтобы его как следует крепили. Под вечер, когда перемазанные глиной люди уселись перекусить, туннель, ведущий от люка круто вверх, с наклоном почти семьдесят градусов, углубился в грунт едва на пять с половиной метров.

Инженер еще раз заглянул в колодец, ведущий в нижний отсек, где в тридцати метрах от главного люка ближе к корме находился грузовой, но увидел только черное зеркало воды; она стояла выше, чем накануне, – видимо, еще какая-нибудь цистерна текла и ее содержимое медленно просачивалось сюда. Вода – он сразу же обнаружил это с помощью переносного счетчика Гейгера – была радиоактивна. Он наглухо закрыл колодец и вернулся к товарищам, ничего не сказав о своем открытии.

– Если все пойдет хорошо – выберемся отсюда завтра, если похуже – через два дня, – объявил Кибернетик, выпивая третью кружку кофе из термоса.

Все очень много пили.

– Откуда ты знаешь? – удивился Инженер.

– Да так, чувствую.

– Он обладает интуицией, которой лишены его автоматы, – засмеялся Доктор.

К концу дня настроение у него повысилось. Когда другие сменяли его в туннеле, он отправлялся в экскурсии по кораблю; в результате экипаж разбогател на два фонарика, машинку для стрижки волос, витаминизированный шоколад и целую стопку полотенец. Все были перемазаны, комбинезоны пестрели пятнами и подтеками, конечно, никто не брился из-за отсутствия электричества; машинку для стрижки, которую принес Доктор, они презрели. Сам он, впрочем, тоже ею не воспользовался.

Весь следующий день ушел на рытье туннеля. Навигационная рубка была забита породой настолько, что ее все труднее было высыпать через дверь. Дошла очередь до библиотеки. У Доктора возникли по этому поводу некоторые сомнения, но Химик, в паре с ним таскавший сделанные из листовой жести носилки, без колебания высыпал кучу мергеля на книги.

Выход из туннеля открылся совершенно неожиданно. Правда, Физик уверял, что грунт уже стал более сухим и как будто менее плотным, но другие этого не подтвердили. Мергель, который они таскали внутрь ракеты, казался им таким же, как и раньше. Сменившие своих товарищей Инженер и Координатор только что приняли инструменты, еще хранившие тепло чужих рук, и нанесли первые удары по глыбам, выступавшим из неровной стены, как вдруг одна из глыб словно испарилась, и через образовавшееся отверстие повеяло легким ветерком. Чувствовалось плавное движение воздуха – давление снаружи было немного больше, чем в туннеле, а значит, и в ракете. Мотыга и стальной лом начали работать в бешеном темпе, грунт уже никто не выносил, те из экипажа, кто не мог помогать передним – для этого было слишком мало места, – стояли, сгрудившись за ними. Сделав несколько последних ударов, Инженер собрался вылезти наружу, но Координатор остановил его. Он хотел сначала расширить выход и распорядился вынести последнюю порцию грунта в ракету, чтобы ничто не мешало двигаться в туннеле; с добрый десяток минут прошло, прежде чем шестеро людей выползли через отверстие с неровными краями на поверхность планеты.

Глава вторая

Спускались сумерки. Черная дыра туннеля зияла на пологом склоне невысокого, метров в десять, холма; дальше простиралась огромная равнина – до самого горизонта, над которым сверкали первые звезды. Кое-где на значительном удалении возвышались неясные, стройные, похожие на деревья силуэты. Света, который давала низкая полоса заката, было так мало, что все краски сливались в однородный серый туман. Слева от неподвижно стоявших людей косо врезался в грунт гигантский цилиндрический корпус ракеты. Инженер оценил его длину метров в семьдесят – значит, корабль зарылся в холм больше чем на сорок метров. Но сейчас никто не обращал внимания на эту выступающую на фоне неба огромную трубу с беспомощно торчащими кольцами рулевых дюз. Они глубоко вдыхали холодный воздух с едва уловимым незнакомым, неопределенным запахом и молча смотрели вперед. Только теперь их охватило ощущение полного бессилия – железные мотыги как будто сами выпали из рук. Они стояли, медленно обводя глазами необъятное пространство – пустое, с горизонтом, залитым тьмой, с лениво, равномерно дрожащими звездами в вышине.

– Полярная? – спросил вдруг Химик, бессознательно понизив голос, и показал на низкую звезду, слабо мерцающую в темном небе на востоке.

– Нет, отсюда ее не видать. Мы сейчас... да, над нами Южный полюс Галактики. Минутку... где-то должен быть Южный Крест...

Подняв головы, они всматривались в небо, уже почти совсем черное, с ярко искрящимися звездами. Начали называть созвездия, показывать их друг другу пальцами – единственное не совсем чужое над мертвой пустынной равниной. Ненадолго это оживило всех.

– Становится холодно, как в пустыне, – сказал Координатор.

– Сегодня мы все равно ничего не сделаем. Нужно возвращаться внутрь.

– Что, в эту гробницу?! – возмутился Кибернетик.

– Без этой гробницы мы погибли бы тут через два дня, – сухо ответил Координатор. – Не ведите себя как дети.

Не сказав больше ни слова, он повернулся, медленным, ровным шагом подошел к лазу и, спустив вниз ноги, сполз в туннель. Секунду еще виднелась его голова, потом и она исчезла.

Оставшиеся молча переглянулись.

– Пошли, – полувопросительно, полуутвердительно буркнул Физик.

Остальные, помешкав, двинулись за ним. Пока первые вползали в тесную дыру, ожидавший своей очереди Инженер спросил стоявшего рядом Кибернетика:

– Заметил, как странно пахнет здесь воздух?

– Да. Горький какой-то... Ты знаешь состав?

– Он похож на земной. Есть еще какая-то примесь, но безвредная. Сейчас не помню. Все данные – в таком маленьком зеленом томике, на второй полке в библиотеке...

Инженер оборвал себя на полуслове, вспомнив, что сам засыпал библиотеку кучами мергеля.

– А, чтоб его... – сказал он без всякой злости, с грустью и начал протискиваться в черное отверстие.

Кибернетик, оставшись один, вдруг почувствовал, что ему не по себе. Это был не страх, а гнетущее чувство затерянности, ужасающей чуждости пейзажа. Да и в необходимости возвращаться в глубь глинистого туннеля было что-то унижительное.

«Как червяки», – подумал он, опустил голову и полез в дыру вслед за Инженером. Но не выдержал и, уже скрывшись в туннеле по плечи, поднял голову, посмотрел вверх и попрощался взглядом со спокойно мерцающими звездами.

Назавтра кто-то предложил вынести припасы на поверхность, чтобы там позавтракать, но Координатор воспротивился, считая, что это только создаст ненужные осложнения. Поэтому ели при свете двух фонарей под крышкой люка, запивая еду уже совсем остывшим кофе.

Внезапно Кибернетик спросил:

– Слушайте, а как это получилось, что у нас все время был хороший воздух?

Координатор улыбнулся. На его впалых щеках выделились серые морщины.

– Баллоны с кислородом уцелели. Хуже с очисткой. Только один автоматический фильтр работает нормально – аварийный, химический; все электрические, естественно, полетели. Через какие-нибудь шесть-семь дней мы начали бы задыхаться.

– Ты знал об этом?.. – медленно спросил Кибернетик.

Координатор ничего не ответил, только его улыбка на мгновение стала какой-то другой – почти жесткой.

– Что будем делать? – спросил Физик.

Они мыли посуду в тазу с водой. Доктор вытирал ее одним из своих полотенец.

– Здесь есть кислород, – сказал Доктор, – значит, здесь есть жизнь. Что об этом известно?

– Да в общем-то ничего. Пробу атмосферы брал космический зонд, отсюда вся наша информация.

– Как это? Он даже не садился?

– Нет.

– Вот уж действительно изобилие сведений, – сказал Кибернетик.

Он попытался вымыть лицо спиртом, который лил из маленькой бутылочки на клочок ваты. Воды, пригодной к употреблению, оставалось очень мало, и никто не мылся уже вторые сутки. Физик, используя в качестве зеркала полированную поверхность кондиционера, рассматривал свое лицо.

– Это очень много, – спокойно ответил Координатор. – Если бы состав воздуха был иной, если б в нем не было кислорода, я убил бы вас.

– Что? – Кибернетик чуть не уронил бутылку.

– Естественно, и себя тоже. У нас не было бы даже одного шанса на миллиард. Теперь он у нас есть.

Все замолчали.

– Раз есть кислород – значит, должны быть растения и животные? – спросил Инженер.

– Не обязательно, – ответил Химик. – На планетах Альфы Малого Пса есть кислород, но нет ни растений, ни животных.

– А что есть?

– Светляки.

– Люменоиды? Бактерии?

– Это не бактерии.

– Да будет вам! – бросил Доктор. Он убрал посуду и закрывал коробки с продовольствием. – На самом деле у нас сейчас другие заботы. Защитника не удастся привести в порядок, а?

– Защитника я даже не видел, – признался Кибернетик. – До него невозможно добраться. Все автоматы вырваны из стоек. Похоже, там понадобится двухтонный кран, чтобы растащить весь этот железный лом. А Защитник в самом низу.

– Но какое-нибудь оружие нам нужно! – воскликнул Кибернетик.

– Есть электрожекторы.

– Интересно, чем ты их зарядишь?

– Разве в рубке нет тока? Был ведь!

– Нет, вероятно, короткое замыкание в аккумуляторном отсеке.

– А почему электрожекторы не заряжены?

- По инструкции перевозить заряженные запрещается, – неохотно буркнул Инженер.
- Черт бы побрал ин...
- Перестань.

Услышав голос Координатора, Кибернетик отвернулся, пожав плечами. Доктор вышел. Инженер принес из своей каюты легкий нейлоновый рюкзак и принялся укладывать в его кармашки плоские банки с неприкосновенным запасом продуктов. Доктор вернулся, держа в руке короткий вороненый цилиндр, заканчивающийся штуцером.

- Что это? – заинтересовался Инженер.
- Оружие.
- Какое оружие?
- Усыпляющий газ.

Инженер рассмеялся.

– Откуда ты знаешь, можно ли усыпить то, что живет на этой планете, твоим газом! И, самое главное, как ты собираешься обороняться этим газом в случае нападения – будешь давать капельный наркоз?

- Во всяком случае, при большой опасности сможешь дать наркоз себе, – сказал Химик. Все засмеялись. Доктор смеялся громче всех.

– Этим можно усыпить любое существо, дышащее кислородом, – сказал он, – а что касается обороны – смотри!

Он нажал спусковой крючок у основания цилиндра. Тонкая, как игла, струйка мгновенно испаряющейся жидкости выстрелила в мрачную глубину коридора.

- Ну... за неимением лучшего... – с сомнением сказал Инженер.
- Идем? – спросил Доктор, опуская цилиндр в карман комбинезона.

Солнце стояло высоко. Оно было меньше, дальше, но и горячее земного. Но не это поразило всех: оно было не совсем круглым. Люди разглядывали его сквозь щели между пальцами, сквозь темно-красную полупрозрачную бумагу – обертку от индивидуальных антирадиационных комплектов.

– Оно сплюснуто из-за быстрого вращения вокруг оси, да? – обратился Химик к Координатору.

- Да. Это было намного заметнее во время полета. Не помнишь?
- Вероятно, тогда меня это... так сказать, не интересовало...

Отвернувшись от солнца, все посмотрели на ракету. Цилиндрический белый корпус наискось торчал из низкого холма. Он напоминал ствол какого-то гигантского орудия. Обшивка, молочная в тени, серебристая на солнце, казалась неповрежденной. Инженер подошел к тому месту, где корпус вонзился в грунт, перебрался через выброшенные наверх глыбы, которые словно воротником окружали врезавшийся в склон корабль, и провел рукой по плите обшивки.

– Неплохой материал этот керамит, – сказал он, отворачиваясь. – Если бы я только мог заглянуть в дюзы... – Он беспомощно смотрел вверх, на корму, повисшую высоко над равниной.

- Успеется, – сказал Физик. – Ну что, двинулись? Небольшая разведка, а?

Координатор поднялся на вершину холма. Остальные пошли за ним. Залитая солнцем равнина разбегалась во все стороны, совершенно однообразная, гладкая, бледно-желтая. Вдалеке высились стройные, замеченные ими еще вчера силуэты. При ярком свете было видно, что это не деревья. Небо, над головой голубое, как на Земле, у горизонта приобретало отчетливо зеленоватый оттенок. Прозрачные перистые облака почти незаметно двигались на север. Координатор определил стороны света по маленькому компасу, надетому на запястье. Доктор, низко наклонившись, ковырял ногой грунт.

- Почему здесь ничего не растет? – сказал он удивленно.

Это поразило всех. Действительно, насколько охватывал взгляд, равнина была голой.

– Мне кажется, эта местность высыхает, – неуверенно сказал Химик. – Там дальше – видите те пятна? – гораздо больше желтизны... вон, на западе. Я полагаю, что там пустыня, из которой ветер нагоняет сюда песок. Ведь наш холм глинистый.

– Ну это мы проверили на совесть, – сказал Доктор.

– Нужно набросать хотя бы в самых общих чертах план экспедиции, – заговорил Координатор. – Запасов, которые мы взяли, нам хватит на два дня.

– Не совсем, воды у нас мало, – вмешался Кибернетик.

– Воду придется экономить, пока не найдем ее здесь; раз есть кислород, найдется и вода. Думаю, начнем с нескольких прямолинейных маршрутов. Уходить от ракеты будем каждый раз не слишком далеко, так чтобы иметь возможность спокойно и без излишней спешки вернуться.

– Максимум тридцать километров в один конец, – заметил Физик.

– Согласен. Речь идет только о чем-то вроде предварительной разведки.

– Подождите, – сказал Инженер, который до сих пор стоял поодаль, как бы погрузившись в невеселые мысли. – А вам не кажется, что мы ведем себя, как будто малость свихнулись? Мы потерпели аварию на неизвестной планете. Нам удалось выбраться из корабля. Вместо того чтобы взяться за самое важное, вместо того чтобы все силы вложить в ремонт, наладить то, что удастся, освободить корабль и так далее, мы отправляемся на какие-то экскурсии, без оружия, без всяких средств защиты, не имея понятия, с чем мы здесь можем столкнуться.

Координатор слушал его молча. Он оглядел поочередно всех членов экипажа. Все были небриты, трехдневная щетина придавала им довольно дикий вид. Слова Инженера, вероятно, произвели впечатление, но никто не ответил, как будто все ждали, что скажет Координатор.

– Вшестером нам ракету не откопать, Генрих, – сказал Координатор осторожно, взвешивая слова. – И ты это отлично знаешь. В нашем нынешнем положении запуск самого простенького агрегата требует времени, которое мы даже не можем определить. Планета обитаема. Но мы не знаем о ней ничего. Мы даже не облетели ее перед катастрофой. Мы шли от ночного полушария и из-за роковой ошибки попали в газовый хвост. Падая, мы перешли линию терминатора. Я лежал у экрана, который лопнул последним. Я видел – во всяком случае, мне так показалось – что-то, напоминавшее... город.

– Почему ты не сказал нам об этом? – медленно спросил Инженер.

– Да, почему? – поддержал его Физик.

– Потому, что я в этом не уверен. Я не знаю даже, в какой стороне его искать. Ракета крутилась. Я потерял ориентацию. И все-таки существует шанс, хотя и незначительный, что мы получим какую-то помощь. Я предпочел бы об этом не говорить, но каждый из вас и так хорошо это знает – наши шансы вообще очень малы. Кроме того, нам нужна вода. Основная часть запаса вылилась в нижний отсек, и Генрих установил, что она радиоактивна. Таким образом, я считаю, что мы можем позволить себе некоторый риск.

– Я согласен с этим, – сказал Доктор.

– Я тоже, – присоединился Физик.

– Ладно, – буркнул Кибернетик и отошел на несколько шагов, глядя на юг, словно не хотел слышать, что скажут остальные.

Химик кивнул головой. Инженер не ответил; он только спустился с холма, забросил за спину рюкзак и спросил:

– Куда?

– На север, – сказал Координатор.

Инженер двинулся вперед, остальные присоединились к нему. Когда немного погода они обернулись, холма уже почти не было видно, только корпус ракеты вырисовывался на фоне неба, словно дуло полевого орудия.

Было очень жарко. Их тени постепенно укорачивались, ботинки проваливались в песок, слышались только мерные шаги и учащенное дыхание. Они приближались к одному из тех изящных образований, которые в сумерках приняли за деревья. Из бурого грунта вертикально возвышался серый, словно кожа слона, ствол со слабым металлическим блеском. Этот ствол, у основания не толще мужской руки, постепенно переходил в чашевидное расширение; плоская кромка чаши находилась на высоте двух метров. Снизу не было видно, открыта сверху чаша или нет. Люди остановились в нескольких метрах от причудливой фигуры, а Инженер импульсивно шагнул к ней и уже поднял было руку, чтобы дотронуться до ствола, когда Доктор крикнул:

– Стой!

Инженер попятился. Доктор потянул его к себе за плечо, поднял камешек величиной с фасолину и бросил высоко в воздух. Камешек описал крутую дугу и упал на слегка рифленый и плоский верх чаши. Все вздрогнуло – такой бурной и неожиданной была реакция. Чаша заволновалась, съезжилась, послышался короткий свист, как будто из нее вырвалась струя газа, и вся, теперь лихорадочно дрожащая, серая колонна провалилась, словно всосанная внутрь планеты. Образовавшееся отверстие моментально наполнила коричневая пенящаяся масса, потом ее поверхность покрылась песчинками, пленка становилась все толще, и через несколько секунд от отверстия не осталось и следа – поверхность песка стала совершенно гладкой, как все вокруг.

Никто еще не успел прийти в себя от изумления, когда Химик крикнул:

– Смотрите!

Все оглянулись. Вокруг на расстоянии десятков метров только что высились три или четыре такие же высокие и стройные чаши – сейчас не было ни одной.

– Все провалились?! – воскликнул Кибернетик.

Через час путешественники растянулись длинной цепочкой. Первым шагнул Доктор, который теперь нес рюкзак, за ним Координатор. Колонну замыкал Химик. Все расстегнули комбинезоны, кое-кто закатал рукава; залитые потом, с пересохшими ртами, они медленно тащились равниной. Вдали замаячила длинная горизонтальная полоса.

Доктор остановился и подождал Координатора:

– Как ты думаешь, сколько мы прошли?

Координатор взглянул назад, в сторону солнца, туда, где осталась ракета. Ее уже не было видно.

– Радиус планеты меньше земного, – сказал Координатор, откашливаясь и вытирая платком лицо. – Километров восемь, – заключил он.

Доктор еле смотрел щелками опухших глаз. Его черные волосы покрывал платок. Он то и дело смачивал его водой из фляжки.

– Знаешь, это просто безумие, – сказал Доктор и неожиданно улыбнулся.

Оба они смотрели сейчас туда, где еще недавно еле заметной косой черточкой у самого горизонта виднелась ракета. Теперь там возвышались только бледно-серые изящные силуэты чаш. Когда они снова вынырнули, никто не заметил. Подошли остальные члены экипажа. Химик бросил скатанный брезент палатки и уселся, вернее, свалился на него.

– Что-то не видно следов здешней цивилизации, – сказал Кибернетик. Он достал витамины в помятом пакетике и угощал всех.

– На Земле такого пустыря не найти, – добавил Инженер. – Ни дорог, ни летательных аппаратов.

– Не думаешь же ты, что именно здесь мы найдем точную копию земной цивилизации? – фыркнул Физик.

– Эта система стабильна, – начал Химик, – и цивилизация могла развиваться на Эдеме дольше, чем на Земле, а потому...

– При условии, что это цивилизация человекоподобных существ, – прервал его Кибернетик.

– Послушайте, не будем задерживаться здесь, – сказал Координатор. – Пошли дальше, за полчаса мы должны добраться вон до той полоски. – Он показал на тонкую лиловую линию у горизонта.

– А что это?

– Не знаю. Может, мы там найдем воду.

– Для начала мне бы хватило и тени, – прохрипел Инженер и прополоскал рот глотком воды.

Заскрипели ремни надетых на плечи рюкзаков, группа снова растянулась и размеренно двинулась через пески. Они прошли мимо нескольких чаш и нескольких более крупных образований, которые, казалось, опирались на опустившиеся до поверхности лианы, но до ближайшего из них было метров двести, а им не хотелось сворачивать в сторону. Солнце подходило к зениту, когда пейзаж начал меняться.

Песка становилось все меньше, длинными, плоскими горбами из-под него выныривала рыжая, сожженная солнцем почва. Кое-где ее покрывали островки седого мертвого мха. Задетый ботинками мох курился, распадаясь на истлевшую, похожую на бумажный пепел труху. Лиловая полоса отчетливо разделялась на отдельные группы приземистых форм, они стали светлее, это была скорее зелень, отливающая голубизной. Северный ветерок принес слабый тонкий запах, который люди втягивали с осторожным любопытством. Передние пошли медленнее, остальные подтянулись, и вскоре вся группа остановилась перед слегка изогнутой неподвижной стеной, образованной странными переплетенными фигурами.

На расстоянии ста шагов это еще могло показаться зарослями каких-то кустов, усеянных большими синеватыми птичьими гнездами, – не столько из-за того, что действительно напоминало заросли, сколько из-за стремления человеческого глаза найти в чуждых образах аналогию с чем-нибудь привычным.

– Какие-то пауки? – неуверенно сказал Физик, и тогда всем сразу же показалось, что перед ними и вправду похожие на пауков существа с маленькими веретенообразными туловищами, покрытыми густой взъерошенной щетиной, неподвижно стоящие на необыкновенно длинных и тонких ногах.

– Да ведь это растения! – воскликнул Доктор.

Он не спеша подошел к высокому серо-зеленоватому «пауку». И в самом деле, «ноги» оказались чем-то вроде толстых стеблей, чьи шершавые, покрытые волосками изгибы очень напоминали суставы членистоногого. Эти стебли – их было шесть, семь или восемь, – выходя из мшистого грунта, дугообразно сходились вверх к шишковатому, пухлому, напоминающему приплюснутое брюшко «телу», окруженному сверкающими на солнце ленточками паутинок. Растения-пауки стояли довольно близко друг от друга, но между ними можно было пройти. Кое-где стебли выпускали более светлые, почти цвета земных листьев, побеги со свернувшимися почками на концах.

Доктор опять сначала бросил камешек в подвешенное в нескольких метрах над поверхностью «брюшко», а когда ничего не случилось, осмотрел стебель и наконец надрезал его ножом; из него закапал светло-желтый водянистый сок, он сразу же начал пениться, стал оранжевым и рыжим, а через несколько минут застыл в напоминающий смолу стусток с сильным ароматом. Сначала все нашли его приятным, но скоро решили, что в нем есть что-то отталкивающее.

В глубине этой своеобразной рощи было немного прохладней, чем на равнине.

Пухлые «брюшки» растений давали немного тени; ее становилось все больше, по мере того как люди углублялись в эти дебри, стараясь по возможности не касаться стеблей, а особенно белесых отростков, которыми кончались молодые побеги, – они вызвали необъяснимое отвращение.

Пористый, мягкий грунт выделял влажные испарения, в которых трудно было дышать; по лицам, по рукам проползали тени «брюшков», то более высоких, то пониже, больших и маленьких, одни были эластичные, с ярко-оранжевыми шипами, другие – засохшие, увядшие, трухлявые, с них свисали длинные тонкие полоски паутины. Когда налетал ветер, заросли издавали глухой, неприятный звук, не похожий на мягкий шум земного леса, – казалось, шелестели тысячи и тысячи листов жесткой бумаги. Иногда растения, переплетаясь, преграждали дорогу, и приходилось искать проход между ними. Идти здесь было труднее, чем по равнине, и через некоторое время никто уже не глядел вверх, на усеянные шипами «брюшки», и не искал в них подобия гнезд, шишек или коконов.

Внезапно Доктор, шедший впереди, увидел прямо перед собой толстый, черный, вертикально свисающий волос, похожий на блестящую грубую нить или на лакированную проволоку. Он уже хотел было отодвинуть его рукой в сторону, но, поскольку ничего подобного им до сих пор не встречалось, машинально поднял глаза и застыл на месте. Что-то бледно-жемчужное, неуклюже свисающее со стеблей у самого основания одного из «брюшков», неподвижно смотрело на него. Доктор чувствовал этот взгляд, хотя не мог сообразить, где находятся глаза бесформенного существа, у которого нельзя было различить ни головы, ни конечностей. Он видел только вспученный, как будто набитый округлыми комьями, слегка лоснящийся кожаный мешок. Из темной продолговатой воронки свисал на два метра вниз толстый черный волос.

– Что там? – спросил Инженер, подходя ближе.

Доктор не ответил. Инженер взглянул вверх и тоже замер.

– Чем он смотрит? – спросил Инженер и отступил на шаг – такое отвращение вызывала эта тварь, которая словно впивалась в них жадным, необыкновенно сосредоточенным взглядом; впрочем, он тоже не видел ее глаз.

– Ох! Ну и мерзость! – воскликнул сзади Химик. Все остальные подошли и остановились за Инженером.

Доктор, выбравшись из-под нависшего над ним существа и подождав, пока другие расступятся в стороны, достал из кармана комбинезона вороненый цилиндр, не спеша прицелился в более светлое, чем окружающая растительность, пузырчатое тело и нажал спуск. И тогда – за долю секунды – случилось очень много всего.

Сначала они увидели блеск, такой яркий, что он совершенно ослепил всех, за исключением Доктора, в этот момент как раз моргнувшего.

Тоненькая струйка из цилиндра еще была вверх, когда стебли подогнулись, затрещали, их обволокли клубы черного пара. Существо с тяжелым мокрым шлепком грохнулось вниз. Какую-то секунду оно лежало неподвижно, словно шишковатый серо-телесного цвета шар, из которого выпустили воздух, только черный волос извивался и плясал над ним, как сумасшедший, судорожно рассекая воздух. Потом волос исчез, и по губчатому мху начали во все стороны расползаться бесформенные пузырчатые членики существа. И прежде чем кто-нибудь из людей успел сказать слово или шевельнуться, все кончилось. Последние частички существа, маленькие, как гусеницы, деловито ввинтились в грунт у подножия стеблей и исчезли. Только в ноздри людям ударил нестерпимый сладковатый запах.

– Это была какая-то колония? – неуверенно спросил Химик. Он поднес руки к глазам, потер их; остальные жмурились, в ослепленных вспышкой глазах все еще носились черные круги.

– E. Plurimus unum, – ответил Доктор. – Или, точнее, E. Uno plures – за свою латынь я не ручаюсь, но это именно такое множественное существо, которое разделяется в случае необходимости...

– Ужасная вонь, – сказал Физик, – пошли отсюда.

– Пошли, – согласился Доктор. А когда они уже отошли от этого места, неожиданно добавил: – Любопытно, что бы случилось, если бы я коснулся этого волоса...

– Удовлетворение этого любопытства могло бы дорого стоить, – бросил Химик.

– А может, и нет. Ты ведь знаешь, как часто совершенно безобидные создания эволюция облакает во внешне пугающие формы.

– Ох, да бросьте вы эту дискуссию – там вроде какой-то просвет, – воскликнул Кибернетик. – И за каким чертом мы вообще влезли в этот паучий лес?

Они услышали шум ручья и приостановились, потом снова пошли дальше; временами он ослабевал, иногда пропадал совсем, иногда становился громче, но обнаружить ручей не удалось. Заросли редели, почва становилась заметно мягче, она напоминала подсохшее болото, идти было неприятно, время от времени что-то чавкало под ногами, как намокшая трава, но нигде не было и следа воды.

Внезапно люди оказались на краю округлого углубления поперечником в несколько десятков метров. Несколько восьминогих кустов росли внутри него, они стояли далеко друг от друга и выглядели очень старыми – стебли разошлись, словно неспособные поддерживать центральные утолщения, и от этого растения еще больше напоминали огромных высохших пауков. Дно углубления местами покрывали ржавые зубчатые наплывы пористой массы, частично вдавленные вглубь, частично оплетенные побегами растений. Инженер сразу же спустился по невысокому, но обрывистому склону, и удивительная вещь – как только он очутился внизу, тем, кто смотрел сверху, углубление показалось взрывной воронкой – местом происшедшей когда-то катастрофы.

– Похоже на след бомбы, – сказал Физик. Он стоял на вершине вала и смотрел, как Инженер подошел к большим обломкам у подножия самого высокого «паука» и попытался сдвинуть их с места.

– Железо?! – крикнул Координатор.

– Нет, – ответил Инженер и исчез между крутыми изломами конструкции, напоминавшей растрескавшийся конус.

Немного погодя Инженер вынырнул из зарослей, с хрустом ломая толстые стебли, с другой стороны рощи. К нему тотчас же протянулось несколько рук, он выбрался из ямы и, видя выражение ожидания на их лицах, пожал плечами.

– Я не знаю, что это, – признался он. – Понятия не имею. Там пусто, внутри ничего нет. Коррозия зашла слишком далеко. Это что-то очень старое, может, сто, может, триста лет...

Они молча обошли кратер и снова углубились в заросли, туда, где они были пониже. Неожиданно кусты расступились, посредине возник проход, такой узкий, что человек мог двигаться в нем с трудом – что-то вроде идеально прямого коридора. По обе его стороны стебли были как будто подрублены и сломаны, большие шишковатые утолщения свалены набок, на другие кусты, а некоторые вдавлены в грунт; их сплюснутые ломкие оболочки трескали под ногами, как высушенная древесная кора. Люди решили идти по этой вырубленной в зарослях дороге гуськом; нужно было раздвигать обломки высохших стеблей, и все же группа продвигалась быстрее, чем до сих пор. Просека по большой дуге все отчетливее отклонялась к северу. Изломанные мертвые кусты становились все ниже, и наконец люди снова оказались на равнине, с другой стороны рощи.

Там, где обрывались заросли, от просеки отходила неглубокая выемка; в первый момент они приняли ее за тропинку, но ошиблись. В бесплодной поверхности была вырыта бороздка глубиной в десяток сантиметров и чуть больше в ширину, поросшая зеленовато-серебряными бархатными на ощупь лишайниками. Этот странный, прямой, как стрела, «газончик» – так назвал его Доктор – уходил вдаль, обрываясь у светлой полосы, которая стеной, протянувшейся от одного края равнины до другого, закрывала весь горизонт.

Над этой полосой поблескивали остроконечные выступы, похожие на верхушки готических, обшитых серебряными плитами башен. Люди шли быстро, и почти с каждым шагом перед ними открывались все новые детали стены. На многие километры в стороны раскинулась

поверхность, изогнутая равновеликими дугами, будто крыша невероятно большого ангара. Дуги были обращены выпуклостями вниз, под ними мерцало что-то серое, как будто сверху сыпалась мелкая пыль или текли тончайшие струйки мутной воды. Когда они подошли еще ближе, на них повеяло чужим запахом, горьковатым, но приятным, будто от неведомых цветов. Они шли, сократив между собой дистанцию. Дугообразная крыша, казалось, поднимается все выше и выше. Каждая ее дуга, как гигантский перевернутый мостовой пролет, была длиной в километр. Там в вышине, где на фоне туч соединялись две арки, что-то ярко светилось, как будто вмонтированные туда зеркала отбрасывали вниз солнечные лучи. Свет этот равномерно мигал.

Стена, растянувшаяся перед ними, состояла из струек серо-желтого цвета; она двигалась – слева направо через одинаковые промежутки времени по ним пробегали волны. Она походила на изготовленный из необычного материала занавес, за которым на равных расстояниях друг от друга проходят, касаясь его боками, слоны или даже животные гораздо крупнее слонов. Когда люди подошли к стене, в том месте, где узкая, поросшая бархатным лишайником дорожка кончалась тупиком, горький аромат стал невыносимым.

Кибернетик закашлялся.

– Возможно, это какие-нибудь ядовитые испарения, – сказал он.

Люди стояли, отбрасывая короткие, бесформенные тени, и смотрели на мерное движение волн. Когда они двинулись вновь и уже только несколько шагов отделяло их от «занавески», она показалась им однородной, как будто сплетенной из толстых матовых волокон. Доктор поднял с земли камешек и бросил в стену. Все видели, как камешек летел, и вдруг он исчез, будто испарился, даже не коснувшись шевелящейся поверхности.

– Влетел внутрь? – с сомнением сказал Кибернетик.

– Ну да! – крикнул Химик. – Он даже не коснулся этого...

Доктор поднял целую горсть камешков и комков и начал бросать их один за другим – все исчезали, не долетая до «занавеса» нескольких сантиметров. Инженер отцепил от маленького колечка ключ и последовал примеру Доктора. Ключ звякнул, как будто ударился о металл, и тоже исчез.

– Что дальше? – спросил Кибернетик, глядя на Координатора.

Тот не ответил. Доктор сбросил с плеч рюкзак, вынул из него банку консервов, вырезал ножом кубик мясного желе и швырнул его в «занавес». Кусок желе прилип к матовой поверхности и некоторое время висел на ней, потом начал пропадать – как будто таял.

– Знаете что? – сказал Доктор; глаза у него блеснули. – Это какой-то фильтр – избирательная диафрагма или что-то в этом роде...

Химик нашел в кольце на лямке своего рюкзака высохший обломок ветки «паучьего» растения, который, должно быть, застрял, когда они продирались сквозь заросли, и, не раздумывая, кинул его в волнующуюся завесу – хрупкая веточка, отскочив, упала у его ног.

– Селектор... – произнес он неуверенно.

– Ну конечно! Наверняка! – Доктор подошел поближе, так что тень его скользнула по краю «занавеса», достал свое черное оружие и нажал спуск. Едва тонкая, как игла, струйка коснулась вздувающейся преграды, в ней образовалось отверстие веретенообразной формы, открыв огромное, мрачное, иссеченное искрящимися точками пространство, в глубине которого порхало множество беловатых и розовых огоньков. Доктор, кашляя и давясь, резко отскочил – ноздри и горло ему обжег горький аромат; все немного отошли и снова остановились.

Продолговатое отверстие сужалось. Набегающие волны замедляли свое движение, приближаясь к нему, обходили его сверху и снизу и поспешно плыли дальше. Отверстие становилось все меньше. Вдруг изнутри высунулось что-то черное, оканчивающееся пальцеобразным отростком, молниеносно обожало кромку отверстия, оно мгновенно закрылось, и снова люди стояли перед размеренно втягивающейся и вздувающейся завесой.

Инженер предложил обсудить положение. Совещание, по словам Доктора, было демонстрацией полной беспомощности. Наконец решили идти дальше вдоль огромного сооружения, подняли рюкзаки и двинулись в путь. Прошли километра три. По дороге пересекли несколько уходящих к равнине узких «газончиков». Некоторое время размышляли над тем, что это такое, – гипотеза о причастности «газончиков» к сельскому хозяйству была отброшена сразу же как совершенно неправдоподобная. Доктор даже попытался исследовать несколько лишайников, вырванных из темно-зеленой полосы; они немного напоминали мох, но корешки их были усеяны похожими на жемчужинки утолщениями, в которых прятались маленькие твердые черные зернышки.

Уже давно минул полдень. Так как все проголодались, сделали привал. Есть пришлось под палящим солнцем – тени нигде не было, а к зарослям, тянувшимся метрах в восьмистах, возвращаться никому не хотелось: «пауки» не оставили приятного впечатления.

– Если бы все шло как в книгах, которые я читал мальчишкой, – заговорил Доктор с полным ртом, – в этой проклятой занавеске сейчас бы образовалась пышущая огнем дыра и оттуда бы вылез тип с тремя руками и только одной, но зато очень толстой ногой. Под мышкой он тащил бы интерпланетарный телекоммуникатор или сам был бы звездным телепатом. Он дал бы нам понять, что является представителем невероятно развитой цивилизации и...

– Перестань нести чепуху, – прервал его Координатор. Он налил воду из термоса-фляги в кружку, которая сразу же запотела. – Лучше подумаем, что делать.

– Я считаю, что нужно войти туда, – сказал Доктор и встал, как будто собирался осуществить свое намерение.

– Любопытно, каким образом? – лениво поинтересовался Физик.

– Ты что, ошалел? – высоким голосом крикнул Кибернетик.

– Почему ошалел? Конечно, мы можем бродить так и дальше, при условии, что типы на одной ноге подбросят нам какую-нибудь еду.

– Ты это серьезно? – сказал Инженер.

– Вот именно! И знаешь почему? Да просто потому, что мне надоело. – Он круто повернулся на пятке.

– Стой! – крикнул Координатор.

Доктор шел прямо на стену, не обращая на крики ни малейшего внимания. Он был в метре от завесы, когда все вскочили и бросились за ним. Услышав топот ног, он вытянутой рукой коснулся завесы.

Рука исчезла. Доктор стоял без движения, может быть, секунду, потом сделал шаг вперед и перестал существовать. Пятеро людей, затаив дыхание, остановились на том месте, где виднелся след его левого ботинка; ноги у них подкашивались. Вдруг в воздухе над завесой появилась голова Доктора с аккуратно, словно ножом, отрезанной шеей; из глаз у него текли слезы, он громко, раз за разом, чихал.

– Тут немного душно внутри, – сказал он, – и в носу ужасно свербит, но пару минут, пожалуй, можно будет выдержать. Какой-то лакриматор, что ли. Лезьте за мной, это не больно, вообще ничего не чувствуется.

И на высоте, где должно было находиться плечо Доктора, высунулась из воздуха его рука.

– А, чтоб тебя! – воскликнул не то с испугом, не то с восхищением Инженер и схватил эту руку.

Доктор потянул Инженера к себе, и тот исчез. Один за другим люди подходили к волнующейся завесе. Последним остался Кибернетик. Он заколебался, в горле у него першило, сердце било, как молот. Он закрыл глаза и сделал шаг вперед. Его охватила мгновенная темнота, потом стало светло.

Он находился вместе со всеми посреди огромного пространства, насыщенного шумным астматическим пытением. Наискось снизу вверх, с вышины отвесно вниз, от одного края к

другому, пересекаясь, тянулись огромные, разной толщины валы, трубы или колонны; кое-где они раздувались, в других местах становились тоньше, одновременно они вращались вокруг своих длинных осей, заслоняли друг друга, вибрировали. Из глубины этого раскинувшегося во все стороны непрерывнодвигающегося леса блестящих конструкций слышалось все убыстряющееся чавканье; внезапно оно прекратилось, донеслось несколько булькающих отголосков, и вся серия звуков повторилась снова.

Горький запах трудно было вытерпеть. Один за другим люди принялись чихать, из глаз потекли слезы. Прижимая к лицам платки, они немного отошли от завесы – черной, похожей на сироп жидкости, которая изнутри выглядела, как водопад.

– Ну наконец мы в помещении – это завод, автоматический завод! – чихая, выдавил из себя Инженер.

Понемногу они как будто начали привыкать к горькому запаху, перестали чихать и стали осматриваться, щуря слезящиеся глаза.

Еще десяток шагов по эластично прогибающемуся, словно натянутая резина, полу, и стали видны черные колодцы, из которых выскакивали светящиеся предметы – с такой скоростью, что разглядеть их форму не удавалось. Предметы были размером с человеческую голову и, казалось, пылали. Они взмывали вверх, и одна из множества изогнутых, словно трубки, колонн, не переставая вращаться, всасывала их. Но исчезали эти предметы не сразу: сквозь дрожащие стенки колонны, как сквозь темное стекло, пробивалось, постепенно слабее, их розоватое сияние, и видно было, как они проплывают внутри колонны куда-то дальше.

– Серийное производство по заданной программе, – буркнул Инженер из-под носового платка.

Он осторожно обошел колодец. Как этот завод освещался? Потолок был полупрозрачный, серое однообразное свечение терялось в хаосе гибких, извивающихся, вращающихся, текущих, как воздушные ручьи, конструкций. Все эти упругие устройства, казалось, действовали по одной команде, в одинаковом темпе, фонтаны раскаленных предметов рвались вверх; то же самое происходило на большой высоте – там, под потолком, протянулись дуги, прочерченные в воздухе красным бисером порхающих глыб.

– Нужно найти склад готовой продукции или хотя бы то, что является здесь конечным продуктом! – выпалил Инженер.

Координатор коснулся его руки:

– Как ты думаешь, какой это вид энергии?

Инженер пожал плечами:

– Понятия не имею.

– Боюсь, что готовой продукции мы не найдем и через год: этот зал тянется на километры, – предупредил Физик.

Странное дело, в глубине зала дышалось легче, как будто горький запах выделялся только вблизи «занавеса».

– А мы не заблудимся? – забеспокоился Кибернетик.

Координатор поднес к глазам компас:

– Не должны. Работает нормально... Тут, наверное, нет никакого железа... Электромагнитов тоже нет.

Больше часа блуждали люди в вибрирующем лесу необыкновенного завода. Наконец вокруг стало просторней. Повеяло свежим, морозным воздухом, как будто его специально охлаждали, переплетения колонн расступились, а люди очутились перед горловиной огромной куполообразной улитки. С высоты к ней сходились рассекающие воздух, словно бичи, зигзагообразные рукава с тупыми, закругленными утолщениями на концах. Из них падал густой град беспорядочно кувыркающихся, черных, как будто покрытых блестящим лаком, предме-

тов, которые врывались внутрь улитки где-то на высоте нескольких метров над их головами через невидимое снизу отверстие.

Неожиданно чечевицеобразная выпуклая бурая стена улитки вздулась прямо напротив них: что-то распирало ее изнутри, она вспухала; люди невольно отступили назад – так грозно выглядел раздувающийся бледно-серый пузырь, – вдруг он бесшумно лопнул, и из круглого отверстия брызнул поток черных тел. В этот самый момент ниже, из широкого колодца, вынырнул лоток с отогнутыми краями; черные предметы, барабания, словно они ударялись о толстую резиновую подушку, падали в него, а он подскакивал от ударов, и эти рывки непонятным образом укладывали предметы правильными рядами. Через несколько секунд неглубокое дно лотка покрывал аккуратно уложенный четырехугольник.

– Готовая продукция! – крикнул Инженер, подбежал к краю колодца, не задумываясь, низко наклонился и схватился за выступ ближайшего черного предмета.

Координатор поймал его в последний момент за ремень комбинезона, и только благодаря этому Инженер не свалился головой вниз в лоток, так как отпустить тяжелый предмет он не хотел, а поднять его один не мог. С помощью Физика и Доктора ему удалось вытащить навверх тяжелый груз.

Размером предмет не превышал торса взрослого человека. На его темном фоне проступали более светлые, полупрозрачные сегменты, в которых сверкали точки постепенно уменьшающихся, отливающих металлом кристалликов. Поверхность его, усеянная отверстиями, окруженными скобками утолщений, представляла собой шероховатую на ощупь мозаику выступов из темно-фиолетовой, а на свету черной, необыкновенно твердой массы – словом, предмет был достаточно сложным. Инженер опустился перед ним на колени, заглядывал с разных сторон в отверстия, пытался найти какие-нибудь подвижные части, ощупывал, выстукивал – никто ему в этом не мешал. Продолжалось это довольно долго.

Тем временем Доктор наблюдал за лотком. Сформировав геометрически правильный четырехугольник из точно таких же предметов, как тот, у которого возился Инженер, лоток медленно поднялся на толстом, дрожащем, словно от напряжения, штоке вверх, внезапно размягчился с одной стороны, начал изменять форму и стал похож на огромную ложку. С другой стороны выдвинулось что-то вроде большого рыла, оно распахнулось, оттуда пахло горячим горьким газом, зияющая пасть с устрашающим чавканьем всосала все предметы, закрылась, как бы проглатывая их, и вдруг эта рылоподобная громада засветилась изнутри. Доктор видел раскаленное огненное ядро, расплавляющее предметы, они расплылись, образовали однородную пылающую оранжевым пламенем кашу, свет померк, пасть потемнела. Доктор, забыв о товарищах, пошел вдоль двух больших, косо поднимающихся колонн, внутри которых, словно по чудовищному пищеводу, плыли сейчас огненные сгустки массы, и углубился в лабиринт; задрав голову, то и дело вытирая слезящиеся глаза, он пытался проследить путь раскаленной каши. Временами она пропадала из вида, потом он снова наткнулся на ее след, она просвечивала в глубине черных, извивающихся, как змеи, струй, пока наконец он не пришел к месту, которое показалось ему знакомым. Он увидел, как огненные пылающие тела, уже частично сформированные, летят в какое-то жерло, а рядом выскакивают другие, будто выброшенные из открытого колодца вверх; их поглощали свисающие сверху частоколом толстые черные колонны, похожие на слоновьи хоботы. Розовыми вереницами остывающих углей тела, уменьшаясь, проплывали в глубине этих колонн навверх. Доктор шел и шел, задрав голову; он забыл обо всем. Светящиеся предметы опережали его, но это не имело значения – они двигались непрерывной цепочкой. Вдруг он едва не свалился и издал сдавленный крик.

Вокруг снова стало просторно, перед Доктором возвышалась огромная куполообразная громада улитки, и град уже совсем остывших во время длинного путешествия черных предметов посыпался сверху в ее чрево. Доктор обошел боковину улитки, уже зная, где нужно ожидать родов, и оказался рядом с товарищами, окружавшими Инженера, который все еще исследовал

черный предмет в тот самый момент, когда большой лопающийся волдырь брызнул готовой продукцией в лоток, снова высунувшийся из колодца.

– Аллю! Можете не трудиться! Я все понял! Сейчас я вам расскажу! – крикнул Доктор.

– Где ты был? Я уже начал беспокоиться, – сказал Координатор. – Ты действительно что-нибудь обнаружил? Инженер ничего не понимает.

– Если бы ничего, то это было бы еще не так плохо! – гаркнул Инженер. Он поднялся, яростно пнул черный предмет и смерил Доктора сердитым взглядом. – Ну и что же ты обнаружил?

– Стало быть, это происходит так, – со странной улыбкой сказал Доктор. – Эти штуки всасываются туда, – он показал на открывшуюся в этот момент пасть. – Теперь они внутри нагреваются, видите? Потом все расплавятся, перемешаются, поедут порциями наверх, там начинается их обработка; еще слегка вишневые от нагрева, они проваливаются вниз, там должен быть еще один ярус, там с ними еще что-то происходит, они возвращаются через колодец, здесь, уже остывающие, но еще светящиеся, отправляются на экскурсию под самую крышу, попадают в этот пирог, – он показал на улитку, – потом на склад готовой продукции, из него идут обратно в эту пасть, расплавляются в ней, и так по кругу, без конца формируются, обрабатываются, расплавляются, формируются.

– Ты с ума сошел? – шепотом сказал Инженер. На его лбу выступили крупные капли пота.

– Не веришь? Можешь проверить сам.

Инженер проверил – два раза. Это длилось добрый час. Когда все снова оказались у лотка, в который как раз ровными четырехугольниками укладывалась очередная порция «конечного продукта», начало смеркаться, и зал стал серым.

Инженер словно помешался: он трясся от возбуждения, его лицо судорожно подергивалось. Остальные, не менее удивленные, не переживали, однако, этого открытия так бурно.

– Нужно уходить отсюда сейчас, – сказал Координатор. – В темноте это может быть сложно.

Он взял Инженера за плечо. Тот безвольно двинулся за ним, но вдруг вырвался, подскочил к оставленному черному предмету и с трудом поднял его.

– Хочешь забрать с собой? – спросил Координатор. – Ладно. Ребята, помогите ему.

Физик ухватился за ушки выступов, и они вдвоем с Инженером потащили бесформенный черный предмет. Так они добрались до вогнутой границы завода. Доктор спокойно шагнул в лоснящуюся сиропообразную стену «водопада» – и очутился на равнине; на него пахло свежим вечерним воздухом. Он с наслаждением втягивал его и подставлял лицо порывам ветра. Другие вынырнули за ним. Инженер и Физик с трудом донесли свой груз до места, где было оставлено снаряжение, и бросили его.

Зажгли плитку, подогрели немного воды, развели в ней мясной концентрат и набросились на еду. Ели молча. Тем временем совсем стемнело, вспыхнули звезды, их холодный электрический блеск с каждой минутой становился ярче. Неясные заросли далекой рощи растаяли во мраке, только голубоватое пламя горелки, шевелящееся под слабыми порывами ветра, давало немного света. Из-за погруженной во мрак высокой стены завода не доносилось ни звука, не было даже видно, плывут ли еще по ней горизонтальные волны.

– Здесь темнеет, как у нас в тропиках, – сказал Химик. – Мы ведь упали в районе экватора?

– По-моему, да, – ответил Координатор. – Хотя я даже не знаю наклона планеты в эклип-тике.

– Как так? Ведь это должно быть известно?

– А как же, но данные на корабле.

Они замолчали. Чувствовалась ночная прохлада, все закутались в одеяла, а Физик принялся ставить палатку. Он накачал полотнище, так что оно натянулось и стало похоже на сплю-

ценное полушарие с маленьким лазом в самом низу, и стал искать какие-нибудь камни, чтобы понадежнее прижать края палатки – там имелись специальные штыри, но их нечем было вбить в почву, – но наткался только на мелкие камешки. К сидящим вокруг голубоватого огонька друзьям он вернулся с пустыми руками.

Вдруг его взгляд упал на принесенный ими тяжелый предмет. Физик поднял его и придал им край палатки.

– Хотя на что-то пригодилось, – сказал наблюдавший за ним Доктор.

Инженер сидел съежившись, опустив голову на руки, в состоянии полной подавленности. Он долго не произносил ни слова, потом что-то невнятно пробормотал – просил передать тарелку.

– И что теперь, родные мои? – внезапно заговорил он, выпрямляясь.

– Спать, ясное дело, – спокойно ответил Доктор, благоговейно достав из портсигара сигарету и с наслаждением затягиваясь.

– А завтра что? – спросил Инженер, и было видно, что его спокойствие – тонкая, до предела натянутая струна.

– Генрих, ты ведешь себя как ребенок, – сказал Координатор, чистивший кастрюлю песком. – Завтра обследуем следующую секцию. Я полагаю, мы сегодня осмотрели около четырехсот метров.

– И ты думаешь, мы найдем что-нибудь другое.

– Не знаю. У нас есть еще один день. После полудня придется возвращаться к ракете.

– Я безумно рад, – буркнул Инженер. Он встал, потянулся и охнул. – У меня как будто все кости переломаны, – признался он.

– У нас тоже, – добродушно заверил его Доктор. – Слушай, ты и вправду ничего не можешь сказать об этом? – Он показал горящим концом сигареты на едва видимый предмет, который прижимал край палатки.

– Могу. А почему бы нет? Конечно, могу. Это устройство, которое служит для того, чтобы его сначала...

– Нет, серьезно. Ведь там есть какие-то части. Я-то в этом не понимаю.

– А я, ты думаешь, понимаю?! – взорвался Инженер. – Это создание сумасшедшего. – Он ткнул рукой в сторону невидимого завода. – Вернее, сумасшедших. Цивилизация душевнобольных – вот что такое этот проклятый Эдем! То, что мы притащили, прошло целую серию процессов, – продолжал он спокойнее. – Прессовка, вдавливание прозрачных сегментов, термическая обработка, шлифовка. Здесь какие-то высокомолекулярные полимеры и какие-то неорганические кристаллы. Это часть, не целое. Для чего она может служить, не знаю. Но даже вынутая из этой сумасшедшей мельницы – сама по себе, – она кажется мне ненормальной.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Координатор.

Химик убрал посуду и припасы, развернул одеяло. Доктор погасил сигарету и заботливо спрятал недокуренную половинку в портсигар.

– У меня нет никаких аргументов. Там внутри есть какие-то элементы – они не соединяются ни с чем. Как бы замкнутая электрическая цепь, но расчлененная изоляционными вставками. Это... это не может работать. Так мне кажется. В конце концов, за столько лет в человеке вырабатывается какая-то профессиональная интуиция. Я, конечно, могу ошибиться, но... нет, я предпочитаю об этом вообще не говорить.

Координатор встал. Остальные последовали его примеру. Когда погасла горелка, их поглотила абсолютная тьма – далекие звезды не давали света, они лишь ярко сверкали в каком-то удивительно низком небе.

– Денеб, – тихо сказал Физик.

Все смотрели на небо.

– Где? Там? – спросил Доктор.

Они бессознательно перешли на полусшепот.

– Да. А та, рядом, поменьше, – это Гамма Лебеда. Страшно яркая.

– Раза в три ярче, чем на Земле, – согласился Координатор.

– Холодно и до дому далеко, – протянул Доктор.

Ему никто не ответил. По одному они влезли в надутый купол палатки. Все так устали, что, когда Доктор по обыкновению сказал в темноте «доброй ночи», ему ответило только дыхание спящих.

Сам Доктор еще не заснул. Он подумал, что они поступают опрометчиво: из ближних зарослей ночью может вылезти какая-нибудь пакость, нужно выставить охрану. С минуту Доктор размышлял, не должен ли он добровольно занять этот пост, но только еще раз иронически улыбнулся в темноте, повернулся и вздохнул. Он не заметил, как провалился в сон.

Утро следующего дня встретило людей солнцем, хотя белых кучевых облаков стало больше. Съели скудный завтрак, оставив немного продуктов, чтобы закусить перед дорогой.

– Хоть бы раз умыться! – жаловался Кибернетик. – Такого со мной еще не случалось – человек весь провонял потом, кошмар! Ведь должна же здесь быть где-нибудь вода!

– Где вода – там и парикмахер, – безмятежно ответил Доктор, глядясь в маленькое зеркало. Он строил скептические и героические гримасы. – Только я боюсь, что парикмахер на этой планете сначала бреет, а потом втыкает все волосы обратно; знаешь, это очень правдоподобно.

– Ты в могиле тоже будешь шутить? – выпалил Инженер и, смутившись, пробормотал: – Извини. Я не хотел...

– Ничего, – ответил Доктор. – В могиле это вряд ли возможно, но пока я туда не попал... Ну, пошли!

Они выпустили воздух из палатки, упаковали вещи и, забрав свое снаряжение, двинулись вдоль размеренно волнующейся завесы, пока не удалились от лагеря на добрый километр.

– Может, я ошибаюсь, но здесь она как будто повыше, – сказал Физик и, сощурившись, оглядел разбегающиеся в обе стороны арки. Их стыки далеко вверх сверкали серебряным огнем.

Сбросив поклажу в одну кучу, они направились к заводу. Вошли без всяких приключений, как и накануне. Физик и Кибернетик немного задержались.

– Что ты думаешь об этом исчезновении? – спросил Кибернетик. – Тут столько всего происходит, что вчера я совсем о нем забыл.

– Что-нибудь с рефракцией, – не очень уверенно ответил Физик.

– А на что опирается перекрытие? Не на это же, – Кибернетик показал на взбухающую волнами завесу, к которой они подходили.

– Не знаю. Может, опоры укрыты как-нибудь внутри или с другой стороны.

– Алиса в стране чудес, – встретил их голос Доктора. – Начинаем? Сегодня я чихаю меньше. Может, это адаптация. В какую сторону пойдем сначала?

Здесь все было похоже на то, что люди видели накануне. Они двигались уверенно и быстро. Сначала им даже казалось, что вообще ничего не изменилось. Колонны, колодцы, лес наклонных пульсирующих и вращающихся трубопроводов, вспышки, сверкание – весь круговорот процессов проходил в одинаковом темпе. Но, присмотревшись к «готовым изделиям», через некоторое время люди обнаружили, что они другие – больше и иной формы, чем вчерашние. И это еще не все. Изделия, которые тоже вводились в замкнутый цикл, не были абсолютно идентичны. В основе своей они напоминали часть рифленой у верхушки половинки яйца. Следы обработки на них показывали, что они должны соединяться с другими частями; кроме того, из них выступали рогатые утолщения, что-то вроде отрезков труб, в которых помещались чечевицеобразные пластинки, похожие на дроссельные заслонки или клапаны. Однако при сравнении большого количества этих предметов выяснилось, что одни имеют два откры-

тых рога, другие – три или даже четыре, причем эти дополнительные выступы были меньше и часто как бы не окончены, словно процесс обработки прерывался где-то в середине. Чечевицеобразная пластинка иногда целиком заполняла отверстие трубы, иногда – только его часть, порой ее не оказывалось вовсе, некоторые изделия были гладко отполированы, другие – шероховаты, втулки «заслонок» тоже различались. Они обнаружили два совершенно одинаковых изделия, спаянных друг с другом и сообщающихся через небольшое отверстие. Чечевицеобразные пластинки образовывали как бы восьмерку – Доктор назвал их сиамскими близнецами. У них было целых восемь – мал мала меньше – рогов, из которых самые маленькие совсем не имели отверстий.

– Ну, что скажешь? – стоя на коленях, спросил Координатор Инженера, копавшегося в коллекции, извлеченной из лотка.

– Пока ничего. Пошли дальше, – сказал Инженер, вставая, но было видно, что настроение у него немного улучшилось.

Постепенно становилось ясно, что зал как бы разбит на несколько секций, правда, ничем друг от друга не отделенных, но отличных по внутренним циклам выполняемых процессов. Производственное оборудование – весь этот извивающийся, корчащийся, пыхтящий лес – было везде одинаково.

Через несколько сотен метров люди наткнулись на секцию, которая, выполняя те же операции, что и предыдущая, извиваясь, чавкая, пыхтя, несла в своих трубопроводах, сбрасывала в открытые колодцы, спускала сверху, поглощала, обрабатывала, складывала и плавila... ничто.

В остальных секциях можно было наблюдать путешествующие вверх и вниз раскаленные заготовки или остывающие, уже обработанные изделия; здесь же все эти сложные эволюции производились с абсолютной пустотой.

Решив сначала, что продукт совершенно прозрачен и потому просто невидим, Инженер высунулся далеко над выбрасывателями и попытался схватить рукой то, что вылетало из открывающихся пастей, но не обнаружил ничего.

– Какое-то сумасшествие, – испуганно сказал Химик.

Но Инженер почему-то совсем не был потрясен.

– Очень интересно, – сказал он, и все пошли дальше.

Было около четырех часов, когда Координатор решил возвращаться. Когда они вышли на равнину, освещенную еще высоко стоявшим солнцем, и зашагали к оставленному неподалеку снаряжению. Инженер сказал:

– Ну, понемногу проясняется.

– Серьезно? – с оттенком иронии бросил Химик.

– Да, – подтвердил Координатор. – Что ты об этом думаешь? – обратился он к Доктору.

– Это труп, – ответил Доктор.

– Что значит – труп? – спросил Химик, который ничего не понимал.

– Труп, который движется, – добавил Доктор.

Некоторое время шли молча.

– Могу я наконец узнать, что это значит? – спросил не без раздражения Химик.

– Дистанционно управляемый комплекс для производства различных деталей, который с течением времени совершенно разрегулировался, так как его оставили без всякого присмотра, – объяснил Инженер.

– Ага! И как давно, по-твоему?

– Этого я не знаю.

– С очень большим приближением и не меньшим риском можно высказать гипотезу, что... минимум несколько десятков лет, – сказал Кибернетик.

– Но возможно, еще раньше. Если бы я узнал, что это случилось двести лет назад, я бы тоже не удивился.

– Или тысячу, – флегматично добавил Координатор.

– Как ты знаешь, автоматы контроля разрегулировываются в темпе, соответствующем коэффициенту иррадиации, – начал Кибернетик, но Инженер его прервал:

– Они могут работать на ином принципе, чем наш, да и вообще мы ведь даже не знаем, электронные ли это системы. Лично я так не считаю. Материал какой-то неметаллический, полужидкий.

– Дело не в деталях, – сказал Доктор, – но что вы думаете об этом? Есть у вас какие-нибудь соображения? Для меня все это совершенный туман.

– Ты имеешь в виду жителей планеты? – спросил Химик.

– Да, я имею в виду жителей планеты.

Глава третья

Поздней ночью они добрались до холма с высоко возвышающимся над ним корпусом корабля. Чтобы сократить путь и избежать встречи с обитателями зарослей, они пересекли паучий лес в том месте, где кусты расступались на несколько метров, как будто их выворотил из почвы какой-то гигантский плуг. На вывороченных глыбах земли буйно разросся лишайник.

Внезапные сумерки накрыли равнину, когда косой силуэт ракеты был уже отчетливо виден, – не пришлось даже зажигать фонарей. Все проголодались, но еще больше устали, поэтому решили поставить палатку на поверхности. Мучимый жаждой Физик – вода кончилась у них на обратном пути – так хотел пить, что отправился по туннелю в корабль. Его не было довольно долго. Они уже установили палатку, когда из глубины раздался его крик. Они бросились к лазу и помогли ему выбраться на поверхность. У него тряслись руки. Он был так взволнован, что едва мог говорить.

– Что случилось? Успокойся! – закричали они один за другим.

Координатор крепко схватил его за плечи.

– Там, – Физик показал на темнеющий над ними корпус корабля, – там кто-то был.

– Что?

– С чего ты взял?

– Кто был?

– Не знаю.

– Как же ты узнал, что был?

– По... по следам. По ошибке я зашел в рубку. Там было полно грунта – сейчас его нет.

– Как это нет?!

– Нет. Там почти чисто.

– А где же грунт?

– Не знаю.

– Ты заглядывал в другие помещения?

– Да. То есть я... забыл, что в рубке был грунт, и сначала ничего такого не подумал, я хотел пить, пошел на склад, отыскал воду, но мне ее было не во что набрать, тогда я отправился в твою каюту, – он посмотрел на Кибернетика, – а там...

– Что там, черт подери?!

– Все покрыто слизью.

– Слизью?

– Да, липкой слизью. Наверное, она еще осталась у меня на ботинках! Я ничего не видел, только потом почувствовал, что у меня прилипают подошвы.

– Но, может, что-нибудь вытекло из цистерн или произошла какая-нибудь химическая реакция, ты же знаешь, в лаборатории перебита половина посуды.

– Не говори глупостей! Посвети мне сюда, на ноги.

Пятно света ушло вниз и вырвало из тьмы ботинки Физика, местами отсвечивающие, как бы обтянутые пленкой бесцветного лака.

– Это еще не доказывает, что там кто-то был, – неуверенно сказал Химик.

– Да я ведь даже тогда не сориентировался! Взял кружку и вернулся на склад. Я чувствовал, что подошвы у меня прилипают, но не обратил на это внимания. Напился воды, а на обратном пути мне взбрело в голову заглянуть в библиотеку, сам не знаю зачем. Мне было немного не по себе, но ни о чем таком я не думал. Открыл дверь, посветил, а там чисто – ни щепотки грунта! А ведь я сам туда грунт отбрасывал, я сразу же это вспомнил, а уж потом и про то, что в рубке тоже был грунт.

– А дальше что? – спросил Координатор.

– Ничего, побежал сюда.

– Может, он еще там – в рубке или в какой-нибудь каюте, – вполголоса сказал Кибернетик.

– Не думаю, – проговорил Координатор. Они стояли вокруг Физика, который все еще тяжело дышал.

– Сходить туда, или как? – громко размышлял Химик, но видно было, что он не особенно рвется осуществить этот проект.

– Покажи-ка еще раз свои ботинки, – произнес Координатор. Он внимательно осмотрел засохшую блестящую пленочку, которая прилипла к коже.

– Нужно что-то делать, – отчаянным голосом сказал Кибернетик.

– Еще ничего не случилось. Какой-то представитель здешней фауны влез в корабль и, не обнаружив для себя ничего интересного, удалился, – сказал Координатор.

– Наверное, дождевой червь, да? Величиной с акулу или в два раза больше, – бросил Кибернетик. – Так что же произошло с грунтом?

– Это действительно странно. Может...

Не договорив, Доктор начал кружить около ракеты. В свете фонарика они видели его удаляющийся силуэт. Световое пятно то концентрировалось у самой поверхности, то, бледнея, убегало во мрак.

– Эй, – крикнул вдруг Доктор. – Эй! Нашел!

Все подбежали к нему. Он стоял над длинным, в несколько метров, валом мергеля, утрамбованного и кое-где покрытого клочьями блестящей, тонкой пленки.

– Кажется, это и вправду дождевой червь, – выдавил Физик.

– Придется нам, однако, ночевать в ракете, – внезапно решил Координатор. – Сначала обыщем ее для верности, а потом закроем люк.

– Да ты что? Это займет всю ночь: мы ни разу не заглядывали во все помещения, – простонал Химик.

– Ничего не поделаешь.

Они оставили надутую палатку на произвол судьбы и нырнули в туннель.

Время шло, а люди бродили по кораблю, тщательно осматривая каждый уголок. Физика казалось, что обломки пультов в рубке переложены с места на место, но никто не помнил точно, где они лежали раньше. Потом сомнения одолели Инженера. Ему казалось, что инструменты, которыми делали мотыги, он оставил в другом положении.

– Да хватит вам, – нетерпеливо сказал Доктор. – Нашли когда играть в сыщиков, скоро два!

Они улеглись на матрацах, снятых с подвесных кроватей, только в три и то лишь потому, что Инженер предложил не осматривать оба яруса машинного отделения, а попросту запереть двери в стальной переборке, ведущие туда. Воздух в закрытом помещении был спертый, в нем висел какой-то неприятный запах, но они падали от усталости и едва сбросили с себя обувь и комбинезоны, едва погасили свет, как их сморил тяжелый, беспокойный сон.

Доктор проснулся с совершенно свежей головой. Вокруг было совсем темно. Он поднес к глазам часы, но никак не мог понять, который час; наконец, разглядев веночек зеленых исокрок на циферблате, он разобрался, что скоро восемь. Это его удивило. Так мало спать! Он недовольно заворчал, хотел уже повернуться на другой бок и вдруг застыл.

В глубине корабля что-то происходило – он не столько слышал это, сколько чувствовал. От пола исходила слабая дрожь. Где-то очень далеко что-то звякнуло, звук еле слышался, но Доктор сразу же сел на постели. Сердце его учащенно забилося.

«Вернулось!» – подумал он о существе, чьи слизистые следы обнаружил Физик. «Пытается справиться с люком», – это была следующая мысль.

Корабль вдруг задрожал, как будто гигантская сила хотела еще глубже вогнать его в грунт. Кто-то из спящих беспокойно застонал. Доктору на мгновение показалось, что волосы у него встают дыбом. Корабль весил шестнадцать тысяч тонн! Пол судорожно затрясся. Вдруг он понял: это был один из силовых агрегатов! Кто-то его пытался запустить.

– Вставайте! – крикнул Доктор, ощупью отыскивая фонарик.

Люди сорвались с постелей, в кромешной тьме они сталкивались друг с другом, вскрикивали наперебой. Наконец Доктор нашел фонарик и зажег его. В нескольких словах он объяснил, что происходит. Не совсем еще проснувшийся Инженер вслушивался в отдаленный звук. Корпус дернулся еще несколько раз, воздух наполнился надрывным воем.

– Компрессоры левых дюз! – крикнул Инженер.

Координатор молча застегивал комбинезон, остальные поспешно одевались. Инженер, как был в рубашке и гимнастических шортах, вырвав фонарь из рук Доктора, выскочил в коридор и побежал к навигационной рубке. Все кинулись за ним. Пол дрожал все сильнее.

– Вот-вот сорвет лопасти! – выдохнул Инженер, врываясь в рубку, очищенную от грунта нахальным посетителем.

Он подскочил к главному рубильнику и перебросил ручку. В углу зажглась одинокая лампочка. Инженер и Координатор вытащили из стенного шкафа электрожектор, достали его из футляра и поспешно подключили к зарядным клеммам. Контрольный прибор был разбит, но продольная трубка на стволе засветилась голубым светом – тока для зарядки хватало.

Пол лихорадочно трясся, все незакрепленные предметы подсакивали, на полках прыгали металлические инструменты, что-то стеклянное упало и разбилось, слышно было, как зазвенели осколки. Остатки пластиковой облицовки все громче подпевали в унисон. Вдруг наступила мертвая тишина, и в ту же секунду единственная лампа погасла. Доктор сразу включил фонарь.

– Зарядили? – выкрикнул Физик.

– Максимум на две серии – и на том спасибо, – выкрикнул Инженер, не отсоединяя, а вырывая провода из зажимов.

Он подхватил электрожектор, опустил его алюминиевый ствол вниз, стиснул рукоятку и пошел по коридору в сторону машинного отделения. Они были уже на полдороге, около библиотеки, когда послышался адский протяжный скрежет, два-три судорожных рывка потрясли корабль, в машинном отделении что-то рухнуло со страшным грохотом, и наступила мертвая тишина.

Инженер и Координатор плечом к плечу подошли к бронированной двери. Координатор отодвинул заслонку глазка и заглянул внутрь.

– Дайте фонарик, – сказал он.

Доктор тут же сунул фонарик ему в руку, но светить внутрь сквозь узкое застекленное отверстие и одновременно смотреть было нелегко. Инженер открыл второй глазок, приложился к нему и вздохнул, задержав дыхание.

– Лежит, – немного погодя сказал он.

– Что? Кто? – спросили сзади.

– Гость. Свети лучше, ниже, ниже – так! Не двигается. Ничего не двигается. – Он помолчал и добавил глухо: – Большой, как слон.

– Он коснулся распределительных шин? – спросил Координатор; он ничего не видел – раструб фонаря целиком закрывал отверстие.

– Скорее влез в разорванные провода. Из-под него торчат концы.

– Концы чего? – нетерпеливо спросил Физик.

– Кабеля высокого напряжения. Да, он не шевелится. Ну что, отпираем?

– Придется, – просто ответил Доктор и начал отодвигать задвижку.

– Может, он только притворяется! – засомневался кто-то сзади.

– Так хорошо притворяться может только труп, – бросил Доктор, который успел заглянуть в глазок, прежде чем Координатор выключил фонарик.

Стальные задвижки мягко скользнули в пазах. Дверь открылась. Какое-то мгновение никто не переступал порога; Физик и Кибернетик смотрели из-за стоявших впереди. В глубине, на покореженных плитах экранировки, втиснутая между раздавленными перегородками, лежала поблескивающая в свете фонаря горбатая нагая масса. Время от времени по ее поверхности пробегала легкая дрожь.

– Живой, – сдавленно шепнул Физик.

В воздухе висел отвратительный чад, словно здесь жгли волос, жидкий синеватый дымок расплывался в полосе света.

– На всякий случай, – сказал Инженер, поднял электрожектор, прижимая прозрачный приклад к бедру, и прицелился в бок бесформенной массы.

Зашипело. Безыскровый заряд ударил в расплзшееся тело, чуть ниже круто поднимающегося посередине горба. Огромная масса напряглась, вздулась и опала, распластываясь еще больше. Верхние края белых перегородок задрожали и разошлись в стороны.

– Конец, – сказал Инженер и перешагнул высокий стальной порог.

За ним вошли все. Напрасно они пытались обнаружить ноги, щупальца, голову этого существа. Беспомощная бесформенная масса покоилась на выломанной секции трансформатора, горб перевесился на одну сторону, как просторный мешок, наполненный желе.

Доктор притронулся к боку мертвого существа. Наклонился.

– Все это скорее... – буркнул он. – Понюхайте!

Он поднял руку – на концах пальцев что-то поблескивало, как капли рыбьего клея. Химик первый победил инстинктивное отвращение и удивленно вскрикнул.

– Узнаешь, а? – сказал Доктор.

Теперь нюхали все – и узнавали горький запах, наполнявший цеха завода.

Доктор нашел в углу рычаг, который удалось снять с оси, подsunул более широкий конец под тело и попытался перевернуть его. Вдруг он поскользнулся, конец рычага пробил кожу, и сталь вошла почти до половины в тканевую мякоть.

– Ну, дожили! Мало того что корабль разбился вдребезги, так еще и в кладбище превратился! – яростно зашипел Кибернетик.

– Да помог бы ты лучше! – сердито бросил Доктор, который в одиночку бился, пытаясь перевернуть тело.

– Погоди-ка, дорогой, – сказал Инженер, – как могло случиться, что эта скотина запустила агрегат?

Все ошалело посмотрели на него.

– Действительно... – пробормотал Физик. – Ну так что? – добавил он глуповато.

– Мы можем лопнуть, а перевернуть его, говорю я вам, должны! – выпалил Доктор. – Идите все – нет, с этой стороны. Так! Нечего брезговать! Ну, что там?

– Подожди, – сказал Инженер.

Он вышел и минуту спустя вернулся со стальными ломami. Они подsunули ломы, как домкрат, под мертвое туловище и по команде Доктора рванули вверх. Кибернетик вздрогнул, когда его рука, съехав по скользкой стали, коснулась голой кожи существа. С громким шлепком оно безвольно перевалилось на бок. Все отскочили. Кто-то вскрикнул.

Словно из гигантской веретенообразно вытянутой устрицы, из толстой складчатой мясистой сумки высунулось маленькое – не больше детского – двурукое туловище. От собственной тяжести оно осело вниз, коснулось пола узловатыми пальчиками, качаясь все медленнее и медленнее на растягивающихся перепонках бледно-желтых связок, пока наконец не замерло. Доктор первым отважился подойти к нему, подхватил мягкую многосуставчатую конечность. Маленький торс, исчерченный бледными прожилками, выпрямился, и все увидели плоское

безглазое личико с зияющими ноздрями и чем-то разодранным, похожим на покусанный язык, в том месте, где у людей находится рот.

– Обитатель Эдема... – глухо сказал Химик.

Инженер, слишком потрясенный, чтобы говорить, уселся на вал генератора и, сам не замечая этого, непрерывно вытирал руки о комбинезон.

– Так это одно существо или два? – спросил Физик, наблюдая, как Доктор осторожно ощупывает беспомощное тельце.

– Два в одном или одно в двух. А может, это симбионты, не исключено, что они периодически разъединяются.

– Как тот уродец с черным волосом? – догадался Физик.

Доктор кивнул головой, не прерывая своих исследований.

– Но у этого, большого, нет ни ног, ни глаз, ни головы – ничего! – сказал Инженер и закурил, чего никогда не делал.

– Это пока неизвестно, – ответил Доктор. – Думаю, что вы не будете возражать против того, чтобы я его вскрыл. Так или иначе, труп придется расчленить, иначе его отсюда не вынести. Я взял бы кого-нибудь ассистировать, но это может быть... неприятно. Есть добровольцы?

– Я. Я могу, – почти одновременно откликнулись Координатор и Кибернетик.

Доктор поднялся с колен.

– Двое – еще лучше. Теперь я поищу инструменты, это займет некоторое время. Должен сказать, что наше пребывание здесь слишком усложняется. Еще немного – и понадобится неделя, чтобы вычистить себе один ботинок, – мы не можем кончить ничего из того, что начали.

Инженер и Физик вышли в коридор. Координатор, возвращавшийся из перевязочной уже в резиновом переднике, с засученными рукавами, задержался рядом с ними. Он нес никелированный поднос с хирургическими инструментами.

– Вы ведь знаете, как работает фильтр, – сказал он. – Если хотите курить, идите наверх.

Они пошли в туннель. Химик присоединился к ним, на всякий случай захватив электрожектор, оставленный Инженером в машинном отделении.

Солнце стояло высоко – маленькое, сплюснутое. Разогретый воздух дрожал над песками, как желе. Они уселись в полосе тени, которую отбрасывал корпус ракеты.

– Очень странное животное, и совершенно непонятно, как оно могло запустить генератор, – сказал Инженер.

Он потер щеку; щетина уже не кололась – у всех отросли бороды; то один, то другой заявлял, что нужно бы побриться, но ни у кого на это не находилось времени.

– Сейчас, честно говоря, меня во всей этой истории больше всего радует, что генератор вообще дал ток. Значит, по крайней мере обмотка цела.

– А замыкание? – заметил Физик.

– Выбило автоматический предохранитель, но это ерунда. Механическая часть рассыпалась целиком, но с этим мы справимся. Запасные комплекты подшипников есть, нужно только поискать. Теоретически, конечно, обмотку тоже можно привести в порядок, но голыми руками – с этим мы до седых волос провозимся. Теперь мне ясно – я просто не решался это проверить из опасения увидеть там одну лишь пыль, а тогда знаете, что бы с нами было.

– Реактор... – начал Химик.

Инженер скривился.

– Реактор – само собой. До реактора очередь дойдет. Сначала – ток. Без тока мы ничего не сделаем. Течь в охлаждении можно устранить в пять минут, но нужно заварить трубопроводы. Для этого опять-таки необходим ток.

– И что, ты думаешь заняться машинами сейчас? – с надеждой в голосе спросил Физик.

– Да. Разработаем план очередности ремонта, я уже говорил об этом с Координатором. Сначала попробуем исправить хоть один агрегат. Конечно, придется рискнуть, потому что агрегат нужно запустить без атомной энергии – черт знает как! Разве что конным приводом... Чтоб его... Все это время, пока бездействует электрический распределитель, я понятия не имею, что делается в реакторе.

– Ничего страшного, нейтронные диафрагмы действуют даже без дистанционного управления, – сказал Физик. – Реактор автоматически перешел на холостой ход, самое большее – при предварительном запуске температура может повыситься несколько выше допустимого, если охлаждение...

– Благодарю. Реактор может расплавиться, и ты говоришь «ничего страшного»?

Они препирались все запальчивее, потом начался серьезный спор, а так как никому из них не хотелось спускаться в ракету, рисовали схемы на песке, пока из лаза в ракете не вынырнула голова Доктора.

Они вскочили.

– Ну, что там?

– С одной стороны, мы узнали мало, с другой, наоборот, много, – ответил Доктор, у которого был довольно своеобразный вид: над поверхностью торчала только его голова. – Мало, – тянул он, – потому что, как ни странно это звучит, я до сих пор не разобрался, одно это существо или два. Во всяком случае, это животное. Обладает двумя кровеносными системами, но они разделены не полностью. То, огромное, носитель, двигалось, как я думаю, скачками или шагами.

– Это большая разница, – сказал Инженер.

– А может, и так и эдак, – объяснил Доктор. – То, что выглядело как горб... там находится пищеварительный тракт.

– На спине?

– Это была не спина! Когда его ударило током, оно упало брюхом вверх!

– Ты хочешь сказать, что-то маленькое, похожее на... – Инженер замялся.

– На ребенка, – спокойно закончил Доктор. – Да, некоторым образом оно ездило верхом на этом носителе – во всяком случае, это можно допустить. Ну не верхом, – поправился он. – Вероятно, чаще всего оно сидело внутри большого туловища – там есть сумчатое гнездо, его можно сравнить только с сумкой кенгуру, но сходство очень невелико и не имеет функционального характера.

– И ты допускаешь, что это существо разумно? – спросил Физик.

– Надо думать, если оно сумело открыть дверь и закрыть ее за собой, не говоря уже о запуске машины, – сказал Доктор, почему-то не проявлявший желания выйти на поверхность, – загвоздка лишь в том, что оно не имеет нервной системы в нашем понимании.

– Как так? – подскочил Химик.

Голова Доктора подняла брови.

– Что делать? Это факт. Там есть органы, о назначении которых я не догадываюсь. Есть спинной мозг, но в черепе – в этом маленьком черепе – мозга нет. Вернее, там есть что-то, но любой анатом назвал бы меня профаном, если бы я попытался доказать ему, что это мозг... Какие-то железы, похожие на лимфатические... А между легкими – у него три легких – я обнаружил нечто весьма удивительное. Нечто такое, что очень не понравилось. Я это заспиртовал, потом посмотрите. А сейчас есть более срочная работа. Машинное отделение выглядит, увы, как бойня. Нужно немедленно выносить и закапывать все, в ракете слишком тепло, и поспешность в самом деле необходима – особенно при такой жаре. Можете надеть темные очки и завязать лица, запах не противный, но такое количество сырого мяса...

– Ты шутишь? – преодолевая тошноту, спросил Физик.

– Нет.

Доктор наконец вылез из туннеля. Поверх резинового халата на нем был надет второй, белый, снизу доверху в красных пятнах.

– Мне очень неприятно, это действительно может вызвать тошноту. Но что делать? Иного выхода нет. Идемте.

Доктор повернулся и исчез. Остальные переглянулись и поочередно нырнули в туннель.

Похоронные работы, как назвал это Химик, закончились только после полудня. Работали полуодетые, чтобы не перепачкать комбинезоны. Расчлененные останки закопали в двухстах шагах от ракеты, на вершине холма, и, несмотря на призывы Координатора экономить воду, истратили на мытье пять ведер. Кровь огромного существа, пока она не свернулась, очень напоминала человеческую, но быстро становилась оранжевой и, высыхая, превращалась в желтоватую рассыпающуюся пыль.

Измученный экипаж расположился под ракетой, никто даже думать не мог о еде, все только жадно пили кофе и воду. Один за другим люди задремали, хотя собирались обсудить первый этап ремонтных работ. Когда они проснулись, уже наступила ночь. Снова надо было идти на склад за продуктами, открывать банки консервов, разогревать их, а после еды мыть посуду... В полночь неожиданно решили не ложиться, а приступить к подготовительным работам.

Сердца их бились быстрее, когда они освобождали аварийный генератор от заваливших его пластиковых и металлических обломков. Работали ручными домкратами, лебедками, часами раскапывали стальной хлам в поисках каждой запасной части, каждой мелочи – уровня или ключа; наконец генератор был целиком осмотрен, разбитый подшипник заменен новым, а лопасти самого маленького компрессора приведены в рабочее состояние. Инженер добился этого довольно простым и примитивным способом: поскольку запасных лопастей было слишком мало, он попросту снял каждую вторую лопасть – производительность крыльчатки, естественно, уменьшилась, но, во всяком случае, компрессор мог работать. В пять утра Координатор объявил об окончании работ – он сказал, что так или иначе придется предпринять еще не одну экспедицию, хотя бы для пополнения запасов воды, а впрочем, и по другим причинам, и нечего менять привычный ритм сна и отдыха. Поспим до рассвета и снова примемся за работу.

Остаток ночи прошел спокойно. Утром никто не изъявлял желания выйти на поверхность, все были готовы работать дальше – и немедленно. Инженер собрал что-то вроде комплекта инструментов первой необходимости, и больше не приходилось за каждым пустяком бегать по всем каютам. Сначала они установили, что распределительный щит, усеянный оспинами коротких замыканий, придется монтировать почти заново, заменяя изуродованные элементы деталями, безжалостно снятыми с других, неработающих агрегатов. Теперь оставалось запустить генератор. Разработанный Инженером план был достаточно рискованным. Он предложил подать на крыльчатку компрессора сжатый кислород и, превратив таким образом компрессор в турбину, вращать с его помощью ротор генератора. В нормальных условиях аварийная система запускалась водяным паром высокого давления из реактора – реактор, сердце корабля, считался самым прочным из всех механизмов, – но теперь ввиду полного разрушения электросети об этом нечего было и думать. Приходилось расходовать неприкосновенный запас кислорода, но они рассчитывали снова наполнить опустошенные баллоны атмосферным кислородом, когда машинное отделение начнет работать. Другого пути не было, мечтать о запуске атомного реактора без электричества мог только сумасшедший. Правда, Инженер тайне от всех готов был и к такому безумному шагу, если бы «кислородный проект» подвел. Ведь никто не знал, удастся ли запустить реактор, прежде чем будет израсходован весь кислород.

Доктор стоял в узеньком колодце под полом верхнего яруса машинного отделения и возбужденным голосом считывал с кислородных манометров величину падающего давления. Остальные пятеро, работавшие наверху, метались, как ошпаренные. Физик возился у временного распределительного щита реактора, смонтированного так, что при виде его у любого зем-

ного инженера волосы встали бы дыбом. Перепачканный смазкой, черный, как негр, Инженер висел вниз головой под генератором и крепил щетки колец. Координатор застыл рядом с Кибернетиком – оба они смотрели на мертвую пока шкалу счетчика нейтронов, а Химик бежал от одного к другому, как мальчик для подноски инструментов.

Кислород шипел, компрессор в роли газовой турбины сердито урчал, слегка позвякивая и вздрагивая: крыльчатка, с которой Инженер обошелся по-варварски, не была как следует сбалансирована, обороты генератора росли, его вой становился все выше, лампы, свисающие с кое-как натянутых под потолком кабелей, уже давали яркий белый свет.

– Двести восемнадцать, двести два, сто девяносто пять, – слышен был монотонный, искаженный металлическим эхом голос невидимого Доктора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.